Владимир Шигин

Адмирал ДУБАСОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина посвящена личности адмирала Ф. Дубасова, которая сегодня мало что говорит читателю. Имя его было оболгано историками, которые видели в нем палача Красной Пресни. На самом же деле адмирал Дубасов является одним из выдающихся военно-морских деятелей в истории России. Свой Георгиевский крест он получил за бесстрашную атаку турецкого броненосца на Дунае. Именно он первым поднял Андреевский флаг в Порт-Артуре. Именно он обеспечил в 1905 году поход 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Рожественского на Дальний Восток, блестяще переиграв англичан по, так называемому, Гульскому инциденту. Именно он восстановил государственный порядок и законность в революционной Москве в декабре 1905 года, за что подвергся двум покушениям. И, наконец, именно он первым оценил стратегическое значение Мурманска и будущей военно-морской базы Северного флота Полярный.

- Владимир Виленович Шигин
  -
  - Победы и поражения адмирала Дубасова
  - Мастер минных атак
  - Отставка и возвращение на флот
  - Вокруг света с цесаревичем
  - Инцидент в Оцу
  - На восточных рубежах
  - Враги или дураки?
  - На дипломатическом поприще
  - Последняя награда

Владимир Виленович Шигин
Адмирал Дубасов

Правообладатель: Горизонт

Победы и поражения адмирала Дубасова

Пушечный рёв
покрывает басом:
по крови рабочей
пустился в плавание
царёв адмирал,
каратель Дубасов…

Владимир Маяковский

Сегодня имя адмирала Дубасова мало что говорит читателю. Если о нём что ещё и помнят, то только то, что в декабре 1905 года адмирал подавил восстание в Москве. Именно за это имя Дубасова было предано анафеме. Если о нём вспоминали, то исключительно по Маяковскому…

И всё же не будем торопиться в окончательных оценках, а познакомимся с личностью одиозного адмирала подробнее. Право, он того стоит!

Мастер минных атак

Весной 1877 года русская армия устремилась в турецкие пределы. Россия протянула руку помощи братской Болгарии. Благоухали сады, солдат дурманил аромат цветущих яблонь и абрикосов. Полки шли на юг, на юг…

С ходу, форсировав Дунай, армия устремилась дальше. Однако в её тылу оставалась мощная турецкая флотилия – почти пять десятков боевых кораблей под началом опытного флотоводца Гуссейн-паши. Эту флотилию необходимо было если не уничтожить, то, по крайней мере, изгнать из районов переправ. За это трудное и опасное дело взялись несколько десятков моряков-балтийцев, у которых даже не было кораблей. Зато было новое, неведомое туркам, оружие – «мины-крылатки», которые они с осторожностью выгружали ночами с покрытых рогожей телег. Во главе отряда стал капитан 1-го ранга Иван Рогуля, с ним вызвались пойти отчаянные добровольцы: лейтенанты Дубасов, Скрыдлов, Шестаков.

Фёдор Дубасов принадлежал к известной морской династии. Старый русский дворянский род Дубасовых восходил своей историей к XVII веку. Фамилия упоминается в родовых книгах Тверской, Калужской, Смоленской и Пензенской губерний.

В своё время отец лейтенанта служил на Чёрном море и отличился в турецкой войне 1828 года. Морскую же свою родословную Дубасовы вели от славного петровского бомбардира Автонома Дубасова, геройски павшего при абордажном взятии шведского бота «Эсперн» в далёком 1709 году. С тех пор по воле Петра Великого на их фамильном гербе красовалась серебряная галера с золотыми вёслами – память о подвиге пращура.

Следуя фамильной традиции, Фёдор Дубасов в 1863 году с блеском закончил Морской корпус, с производством в корабельные гардемарины. В восемнадцать лет совершил своё первое кругосветное путешествие, по окончании которого поступил на академические классы и успешно окончил их в 1870 году.

Весной 1877 года балтийцы были настроены решительно, но пока они тряслись по разбитым валахским дорогам к неблизкому Дунаю, над рекой уже прогрохотали первые залпы. Армейцы и не думали сидеть сложа руки, моряков ожидаючи. И когда турецкий фрегат-броненосец «Люфти-Джелиль» попытался было пробиться к одной из переправ, он был расстрелян армейскими артиллеристами, взорвался и затонул на глазах у обескураженного Гуссейн-паши. А на следующий день прибыли

на Дунай и балтийцы.

Дубасов, как приехал, так сразу – на берег, взял бинокль и стал рассматривать затопленный броненосец.

– Вот те на! – аж присвистнул. – Потопить-то потопили, а флаг снять позабыли.

Другие офицеры флотские тоже бинокли взяли. Точно! Над полузатонувшим неприятельским броненосцем развевался на мачте кроваво-красный турецкий флаг с полумесяцем и звёздами.

Этого русские моряки стерпеть не могли. Уже через полчаса в приёмной местного армейского начальника генерал-майора Салова сидел лейтенант гвардейского экипажа Фёдор Дубасов.

– С чем пожаловали? – осведомился генерал, с интересом разглядывая морского гвардейца.

– Прошу у вашего превосходительства разрешения мне на снятие турецкого флага с утопленного броненосца! – кратко доложился тот.

– Но ведь это опасно, господин лейтенант? – покрутил седой ус Салов. – Вот ведь и лазутчики доносят, что турецкие суда там уже намедни видели.

– Не опасней, чем в штыковые атаки хаживать! – ответил лейтенант.

Ответ генералу понравился.

– Ах, молодость, молодость, – вздохнул он. – Впрочем, на войне как на войне. Поиск разрешаю и желаю удачи!

Старшим в поиск решил идти сам капитан 1-го ранга Рогуля. Кроме него, вызвались адъютант императора полковник Струков, есаул Дукмасов и, конечно же, сам Дубасов. В полночь на трёх паровых шлюпках храбрецы вошли в Мачинский рукав и, сбавив ход до малого, пошли мимо неприятельских позиций. Было тихо. Лишь где-то вдалеке слышалась редкая ружейная стрельба да ржали под берегом стреноженные кони. На подходе к «Люфти-Джелилю» столкнулись с первой неожиданностью – сразу три турецких монитора, все под парами, с боевым освещением.

– Никак, днём будут пытаться снять с корабля механизмы, – вполголоса резюмировал Рогуля. – Надо поторапливаться!

Две шлюпки остались в стороне, прикрывая третью. Дубасов тихо подошёл к борту разбитого броненосца, по-кошачьи взобрался на мачту, боцманским ножом перерезал фалы и уже с флагом в руках прыгнул в шлюпку. На обратном пути ещё умудрились подобрать в камышах обожжённого матроса с уничтоженного броненосца. Так и вернулись с флагом и пленником.

Генерал Салов был доволен:

– Лихо, лихо! Хоть сейчас к нам в пехоту записывай!

А боевая страда на Дунае только начиналась. В мае сильный отряд турецких кораблей внезапно появился у города Браилова, что расположен неподалёку от Мачинского рукава. Неприятельские броненосцы сразу же создали серьёзную угрозу армейским тылам. Турки были настроены весьма решительно. Надо было срочно что-то предпринимать. Моряки совещались недолго.

– Надобно произвесть диверсию, и обязательно с успехом. Только это заставит турок отказаться от своих намерений, – предложил каперанг Рогуля. – Атаковать же следует на паровых катерах, их уже подвезли.

Командиром выбранных для атаки катеров был назначен Фёдор Дубасов. В ночь на четырнадцатое мая под проливным дождём от браиловской пристани отошли четыре катера, тотчас взявшие курс на Мачинский рукав, где располагались турецкие корабли. Головным шёл «Цесаревич» под началом самого Дубасова, далее в двадцати саженях «Ксения» лейтенанта Шестакова, «Джигит» мичмана Персина и «Царевна» мичмана Баля. Светила луна, проглядывавшая сквозь разрывы дождевых облаков. По команде Дубасова катера перестроились в боевой порядок.

На часах было два с половиной пополуночи. Наконец вдали показались неприятельские корабли. В середине рукава стоял на якоре крупный бронированный монитор, несколько далее под берегом ещё один, за последним угадывались контуры ещё одного парохода. Намётанным глазом моряки быстро определили своих противников: посреди реки флагманский «Сельфи», далее у берега «Килидж-Али», а далее канонерка «Фетхуль-Ислам». Всё это лучшие корабли Гуссейн-паши. Времени для долгих раздумий не оставалось. Конечно, хорошо бы атаковать сразу все суда, но сил для этого явно недоставало – решающее слово было за Дубасовым.

– Атакуем ближайший, «Сельфи»! – скомандовал он. – Шестаков ждёт конца моей атаки, чтобы меня поддержать. Остальные прикрывают, сообразуясь с обстановкой!

Внезапно на «Цесаревиче» упало давление. Дубасов вздохнул:

– Стоп машина!

Четыре раза за время атаки пришлось из-за неполадок останавливать машину на «Цесаревиче», но Дубасов от своих намерений отказываться и не думал. Наконец машинный унтер Гусев радостно доложил:

– Так что исправились, можем гнать вовсю!

– Вперёд полный! – немедленно распорядился лейтенант. – Ну, держитесь, гололобые!

На подходе к монитору русских моряков с палубы окликнул часовой.

– Сизын адам! – невозмутимо отвечал Дубасов.

Часовой занервничал. «Сени адам» – означало «свой человек», обычный турецкий отзыв, но Дубасов переврал слова, и неприятельский матрос насторожился.

– Ким дыр о? (Кто идёт?) – закричал он вновь, сдёргивая винтовку с плеча.

С соседнего катера пытался было отвечать ему Шестаков:

– Я панаджи деиль! (Я не чужестранец!)

Но Дубасов уже сблизился с монитором вплотную.

– А пошёл ты… – зло шепнул он и крикнул во всю глотку: – Ребята, заводи мину!

Часовой тут же пальнул в воздух. Вся турецкая команда спала на верхней палубе. Немедленно грохнуло одно орудие, за ним другое, третье… Дубасов целил в корму «Сельфи», чтобы, подорвав винт, лишить броненосец возможности двигаться. Подскочив под кормовой подзор, «Цесаревич» ударил своей крылаткой в борт броненосца. Оглушительный взрыв резко качнул монитор. Слышно было, как вода с оглушительным рёвом ринулась в огромную пробоину. Столб чёрного дыма взметнулся ввысь, поток воды захлестнул утлый катер. Черпнув бортом накатившуюся волну, «Цесаревич» беспомощно закачался. Дубасов скомандовал:

– Пускайте помпу!

– Повреждена при взрыве! – крикнули ему в ответ.

– Кочегар и машинист наверх! Тонем! – скомандовал он тотчас. – Будем подзывать своих!

В этот критический момент отличился матрос Кислов: буквально в какие-то минуты он умудрился пустить повреждённую помпу. Вода стала быстро убывать, катер смог дать ход. Вся поверхность реки была усеяна обломками палубы, мачт, мебели. Вражеский корабль медленно оседал кормою в воду.

– Шестаков! Атакуй! – прокричал Дубасов на «Ксению».

Два раза повторять не пришлось: «Ксения» тотчас дала полный ход. Шестаков, несмотря на продолжавшийся орудийный огонь, вплотную подошёл к левому борту повреждённого броненосца и взорвал свою мину прямо под артиллерийской башней, ведшей беспорядочный огонь по катерам. Раздался взрыв, за ним второй – от сдетонировавшего боезапаса – и турецкий броненосец камнем ушёл на дно.

На катерах кричали «ура», обнимались и целовались. Но радоваться было рано: на оставшихся двух турецких кораблях уже опомнились и, подняв пары, выбирали якоря. Командующий

отрядом Ариф-паша был в бешенстве. Более точным стал и огонь неприятеля: теперь турецкие снаряды ложились всё ближе и ближе к катерам. Надо было уходить, и как можно быстрее.

– Уходим, ребята! – махнул рукой Дубасов азартно палившим по туркам из револьверов катерным командирам. – Мы своё дело сделали!

Из официального сообщения:

> «В ночь с 13 на 14 мая 1877 года четыре катера под командованием Дубасова вышли в доход к месту стоянки турецких кораблей. Светлая ночь и ветер, далеко разносивший по поверхности воды шум катерных двигателей, значительно осложняли проведение операции. Турки, видимо, ожидали какой-то активности с нашей стороны и были настороже: три корабля стояли на якорях под парами, прислуга спала около орудий, а на палубах ходили часовые. Дубасов приказал остальным катерам быть в готовности, а сам дал полный ход и устремился к самому большому монитору. Часовой поднял тревогу, когда катер находился на расстоянии около 60 метров. Турецкие артиллеристы стали быстро наводить кормовое орудие, но при выстреле оно дало осечку. Затем ещё две осечки. Этого было достаточно. Катер Дубасова подошёл к корме монитора. Его мина была взорвана так, чтобы сразу поразить винт, руль и кормовое орудие. Монитор получил серьёзное повреждение, но продолжал сражаться. Открыли огонь орудия его центральной башни, стреляли пушки других кораблей, очень интенсивным был ружейный обстрел. В этих условиях второй катер под командой лейтенанта Шестакова подошёл вплотную к борту монитора. Матросы быстро подвели мину под днище и взорвали её прямо под артиллерийской башней. Турецкий корабль начал тонуть, но ружейный огонь с его палубы по катерам продолжался. Шестаков отстреливался из пистолета, а его матросы вели беглый огонь из ружей».

На отходе не обошлось без волнений. «Ксения» Шестакова запуталась винтом в обломках затонувшего броненосца и едва не сделалась жертвой пришедших в себя турок. Под градом осколков и пуль матросы, ныряя за борт, очистили винт, и катер без потерь смог дать ход. Обошлось! Нелегко пришлось и флагманскому «Цесаревичу», на котором команда всё ещё продолжала откачивать воду помпой и вёдрами. Уже светало, когда все четыре катера лихо ошвартовались у причала Браилова.

Из официального сообщения:

> «Наши катера получили серьёзные повреждения. Катер Дубасова был полностью залит водой, матросы откачивали её вёдрами. На катере Шестакова обломками монитора заклинило винт. Под огнём противника моторист нырял в воду, чтобы очистить его. Третий катер получил большую пробоину в корме, пришлось подойти к занятому врагом берегу и заделать её. Более десяти минут находились наши катера под непрерывным огнём противника. Стало быстро светать, и, как только все катера вновь обрели способность двигаться, Дубасов дал команду к отходу, а сам подошёл к осевшему на грунт монитору и снял с него кормовой флаг. После этого все четыре катера благополучно и без потерь возвратились на базу».

Героев встречали командир браиловского отряда генерал Салов и каперанг Рогуля. Участников победной атаки качали на руках, обнимали, поздравляли с успехом. В общем веселье не участвовал лишь один Дубасов: этого успеха лейтенанту было мало. В тот же день, взяв нескольких матросов, он на шлюпке вновь отправился к потопленному монитору и на глазах у изумлённых турок снял с него флаг (в официальном сообщении перепутали время снятия флага. – В. Ш.). Ликующие сотоварищи устроили ему восторженную встречу.

– Теперь ты, Федя, у нас главный специалист по снятию флагов с потопленных кораблей! – шутил каперанг Рогуля.

– Были б корабли потопленные, а флаги мы с них всегда снимем! – отвечал Дубасов под общий смех.

В тот же день каперанг Рогуля отправился в Плоешти к главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Александровичу с докладом о произведённой атаке. Каперанга встречал адъютант императора Струков.

– Твой Дубасов опять отличился, – пожал он руку Рогуле. – Великий князь желает его видеть непременно.

Пока Рогуля докладывал главнокомандующему все обстоятельства дела, в Браилов ушла телеграмма о немедленном вызове Дубасова и Шестакова в Плоешти. В назначенное время оба были на месте. На торжественном обеде, устроенном в честь героев-моряков, звучало немало тостов.

Был потоплен один из лучших мониторов, гордость турецкого флота – «Сейфи». Александр II приказал передать кормовой флаг монитора в Морской корпус (военно-морское училище). Пусть этот подвиг послужит развитию и укреплению в молодом

поколении будущих моряков геройского духа, которым всегда отличался наш флот, отметил он в поздравительной телеграмме.

Через несколько дней в ставку прибыл и Александр II. Император успешной атаке под Браиловом обрадовался несказанно: ведь это был первый крупный успех в только что начавшейся войне. «Сердце моё радуется за наших молодцов-моряков», – телеграфировал император генерал-адмиралу великому князю Константину в Санкт-Петербург. Дубасова с Шестаковым Александр II награждал самолично. Вручив Георгиевские кресты, обнял их и сказал:

– Я горжусь вами и в лице вашем – всем моим флотом!

Это были первые георгиевские награждения в только ещё разгоравшейся трудной и кровопролитной войне. Не были оставлены наградами и рядовые участники той исторической атаки. Георгиевскими кавалерами стали: минёр Василий Стёпин и машинный унтер-офицер Гусев, кочегар Кичаковский и машинист Иван Иванов.

Имя героев Дуная было в те дни на устах каждого россиянина. Много лет спустя известный кораблестроитель и академик А. Н. Крылов напишет: «Подвиг лейтенантов Дубасова и Шестакова заставил всех мальчишек мечтать о морской службе… Я заявил отцу: „Отдай меня в Морское училище…“»

По всей России распевали кем-то сочинённые куплеты:

Героев дух над нами веет,
Благословляет нас и греет
И в боевых деяньях зреет
Лихая партия «орлов»!
И вновь сердца у нас трепещут,
И через край в нас радость хлещет,
И вновь героям рукоплещут!
Дубасов, Скрыдлов, Шестаков!
Все имена нам дорогие,
В скрижали флота золотые
Внесли вы подвиги лихие,
Как ваши деды и отцы!

Война между тем продолжалась. И несмотря на то что фронт ушёл уже далеко за Дунай, забот у моряков хватало. В низовьях реки ещё базировались турецкие броненосцы, грозя набегами переправам российских войск. Постепенно, шаг за шагом, их оттесняли минными полями всё дальше и дальше. То и дело происходили яростные схватки – турки сопротивлялись отчаянно. И снова впереди под пулями был Фёдор Дубасов. Снова, день за

днём, выводил он в бой минные катера, подтверждая репутацию бесстрашного. Наградой за дерзкие рейды была ему георгиевская сабля с лаконичной надписью «За храбрость» да звание флигель-адъютанта императора с золотым аксельбантом на грудь.

Несмотря на напряжённую боевую деятельность, Дубасова по распоряжению великого князя определили ещё и к… преподавательской работе. В перерывах между боями и походами герой Дуная читал лекции в Кишинёвском минном классе, обучая слушателей обращаться с зарядами и минами.

Уже после окончания войны в 1879 году Дубасов был назначен командиром отряда мелких судов, с поручением устроить минные заграждения на реках Дунай и Серет. За успешное выполнение этого задания был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами. За время минных постановок не раз приходилось вступать в перестрелки с многочисленными бандами башибузуков, так что работа была по-настоящему боевая и лихая.

А затем Дубасову, неожиданно для него, пришлось принять участие в судебном процессе по делу о яхте «Ливадия». Дело в том, что, совершая переход из Севастополя в Николаев, огромная царская яхта, несмотря на хорошую погоду, села на скалы у Тарханкутского маяка. «Ливадию» спасали всем Черноморским флотом, но снять её так и не удалось: ветер и волны в несколько дней разбили её окончательно.

В качестве эксперта на судебное заседание, проходившее в апреле 1879 года в Николаеве, был приглашён и Дубасов, находившийся в тот момент в городе в ожидании нового назначения.

В Париже в те дни уже полным ходом шли мирные переговоры, и всем было очевидно, что главном итогом Парижского мира станет отмена позорных статей о запрещении России иметь военный флот на Чёрном море. Предстояло скорое возрождение Черноморского флота. Принять участие в столь важном для Отечества деле желали многие молодые и энергичные офицеры. Желал этого и Дубасов, а потому приглашение экспертом воспринял как начало своей службы на Чёрном море.

Председательствовавший на суде вице-адмирал Кушакович дал совет молодому офицеру:

– Дело здесь, Федя, ясное, так что говори более фразами общими. Яхты уже не вернуть, а людей мытарить нам нечего. Посияй на трибунке орденами, да и садись на своё место!

Но дунайский герой просто «сиять орденами» не пожелал. Тщательно изучив все обстоятельства дела, Дубасов в своей речи

был беспощаден.

– Я считаю, с бумагами всеми по делу ознакомившись, что виновники аварии – капитан Кроун и его штурман Высота, – заявил он во всеуслышание. – Не менее виновно и Гидрографическое управление, что присылает нам в пользование карты ещё потёмкинской поры. Но главные виновники случившегося – это наши адмиралы, преступная беспечность которых стала причиной гибели судна!

В первом ряду сидевшие адмиралы Аркас, Чихачёв да Руднев аж с мест повскакивали от наглости неслыханной. Едва суд закончился, все они собрались у главного командира Черноморского флота Аркаса.

– Иван Иванович! Подобное поведение просто возмутительно! – наседал на Аркаса контр-адмирал Чихачёв.

– За такие оскорбительства в былые времена на реях вешали! – поддакивал Руднев.

Умный Аркас вздыхал тяжело, бороду обширную поглаживая:

– Всё верно, господа. Но посудите сами: Дубасов этот и кавалер георгиевский и, главное, флигель-адъютант государя. Как нам об его проступке докладывать? Несомненно, пойдут новые разбирательства, на сей раз столичные, и как мы там будем выглядеть, ещё неизвестно. Так что не стоит выносить сор из избы, а строптивца за неимением для него на флоте достойной должности просто выгоним на Балтику. Пусть там разоблачительствами занимается.

На том и порешили.

На этом служба Дубасова на Черноморском флоте, так и не успев начаться, закончилась.

Отставка и возвращение на флот

Вернувшись на Балтийский флот, Дубасов получил аудиенцию у Александра II.

– Где хочешь служить? – поинтересовался у своего флигель-адъютанта император. – На фрегаты или корветы плаваний заграничных?

Ответ лейтенанта был предельно лаконичен:

– На миноносках!

Александр разочарованно пожал плечами:

– Ну что ж, Фёдор, миноноски так миноноски.

В ту пору дело миноносное было новое, а потому многим непонятное. Шли туда ребята лихие, кому сам чёрт не брат. Почти каждую кампанию миноноски и на камни выскакивали, и в штормах гибли, и от аварий многочисленных. Многие из матросов, приходившие служить на миноноски, боялись своих судов что чёрт ладана. Да и за что любить эти вечно заливаемые волнами корытца, где нет никогда ни места сухого, ни пищи горячей? Был случай, когда, испугавшись манёвра вблизи большого корабля, часть команды бросилась с миноноски за борт и погибла. В другой раз, напуганные ударившим из лопнувшей трубы паром, выбросились за борт кочегары… И всё же миноноски плавали, являя собой достаточно грозную силу, а племя лихих миноносных моряков росло и множилось год от года.

Как опытный миноносник Дубасов получил с приходом на Балтику целый миноносный отряд – десять шеститонных катеров с миной Уайтхеда на носу. Рад этому назначению Дубасов был несказанно, тем более и чин следующий получил – капитан-лейтенантский.

В это время нашла бравого моряка и любовь. Наверное, у героя минувшей войны не было недостатка в поклонницах, но своё сердце он отдал белокурой и изящной Сашеньке Сипягиной, дочери столичного сенатора. Свадьба была весёлой: фонтанами било шампанское, в саду оглушительно рвались петарды (это уже постарались друзья жениха), много было танцев, шуток, смеха. Из многочисленных родственников Фёдор больше всех сблизился со старшим братом жены Дмитрием, делавшим в то время блестящую карьеру в Министерстве внутренних дел.

Но домашняя идиллия продолжалась недолго. Дубасова уже ждали миноноски, ждало море, по которому он так истосковался за годы «речной» войны. Миноноски – это простор и стремительность, скорость и манёвр, а потому начальство в

мирное время гоняет их по морям безжалостно: то распоряжение передать, то кого-нибудь куда-нибудь отвезти. Не делали исключения и для Дубасова.

В первую же кампанию ему предстояло выйти из Петербурга, заскочить за углём в Кронштадт, а затем мчаться в финские шхеры со срочным пакетом командира петербургского порта. В кронштадтскую гавань дубасовские миноноски ворвались весенним воскресным утром, когда угольный склад был уже закрыт.

– Ищите заведующего! – велел своим офицерам Дубасов. – Нам здесь некогда прохлаждаться!

Но поиски складского начальника успехом не увенчались. В доме его словоохотливая горничная сообщила, что чиновник уехал с женой на дачу в Стрельну. И тогда командир принял решение:

– Ломай ворота, ребята! – приказал он. – Начинай погрузку!

– Не дозволю красть добро казённое! – пытался было защитить свои засовы сторож из отставных инвалидов.

Да куда там! Матросы миноносные живо оттащили старика в сторонку:

– Ты, дед, лучше пузо на солнышке грей, чем под ногами у добрых людей путаться! А уголёк мы для дела государственного берём!

Пока местные начальники приходили в себя от дубасовской дерзости, миноноски уже вовсю мчались дальше, по мостик зарываясь в балтийской волне.

Самоуправство Дубасова без внимания не осталось: жалобы посыпались в инстанции наивысшие.

– Возомнил о себе много! – злословили недруги. – Думает, как Георгия на речке отхватил, так всё и простится!

И хотя некоторым оправданием могла служить неотложность поручения, Дубасов всё же получил выговор от генерал-адмирала. Наказание по тем временам нешуточное. Расписываясь под приказом, Дубасов швырнул перо об пол:

– А пошло оно всё к такой-то матери!

Теперь уж закусил удила вспыльчивый флигель-адъютант: в тот же день он подал рапорт об увольнении со службы. Друзья отговаривали, Дубасов настаивал, и делу был дан законный ход. В конце концов бумага легла на стол Александру II. Прочитав рапорт, император недовольно пожал плечами:

– Насильно мил не будешь! Если Дубасов как мой флигель-адъютант не находит возможным прибыть для личных объяснений, то просьбу его я удовлетворю.

Так началась отставка, продлившаяся несколько лет. Какое-то

время оказавшегося не у дел миноносника тянуло заняться горными работами, где могли пригодиться его знания взрывного дела. В ту пору в моду входил динамит, и попробовать его мощь в горном деле представлялось очень заманчивым. Затем Дубасов обратил свой взор на суда торговые, но ни в том, ни в другом деле так и не смог найти успокоения своей мятущейся душе.

А ноги сами несли его на берег Финского залива, туда, где в туманной дымке корабли под сине-белым флагом выбирали якоря.

И он вернулся на флот.

В кампанию 1885 года капитан 2-го ранга Фёдор Дубасов был назначен командиром крейсера «Африка», определённого во внутреннее плавание.

В том же 1885 году Морское министерство поручило контрадмиралу Копытову ознакомиться с условиями плавания и замерзаемости в Моонзундском проливе, а также определить стратегическое значение Моонзундского архипелага для нашего флота. Обследовав этот район, Копытов пришёл к выводу «…о чрезвычайном морском стратегическом значении позиции флота у Балтийских (Моонзундских) островов». В своём отчёте о плавании контр-адмирал Копытов представил подробный проект мероприятий по возведению укреплений, устройству гаваней и углублению Моонзунда.

Одновременно комиссия под председательством начальника Главного штаба генерал-адъютанта Обручева готовила материалы по выбору базы флота, но единого мнения у комиссии не сложилось.

Часть её членов поддерживала создание военно-морской базы в Моонзунде, часть в Либаве.

В кампанию 1887 года Дубасов провёл в плавании по Балтике и в её конце был произведён в капитаны 1-го ранга.

7 ноября 1887 года в Санкт-Петербурге под председательством военного министра состоялось совещание, на котором рассматривали вопрос, где же, в конце концов, размещать манёвренную базу Балтийского флота. В работе совещания принимали участие морской министр адмирал Шестаков, его товарищ (заместитель) вице-адмирал Чихачёв, представитель Военного ведомства генерал-адъютант Обручев и другие специалисты. Совещание решило: «Ввиду разнообразия мнений и недостатка фактических данных… в следующем году провести в Моонзунде серию гидрографических, топографических и фортификационных изысканий». Руководителем этих работ назначили генерал-лейтенанта Бобрикова. Он хорошо знал Моонзундский архипелаг. Генерал отправился осматривать

архипелаг вместе с капитаном 1-го ранга Дубасовым и капитаном 2-го ранга Рожественским. Побывав на островах, Бобриков весьма категорично назвал их «выразителем преобладающих свойств Балтийского театра военных действий и истинным представителем активной обороны Балтийско-финского побережья в противоположность Либавам, Виндавам и тому подобным, легко блокируемым портам». Поддержал генерала и Дубасов.

Выступая против Либавы как базы флота, он отмечал, что «исследование внутренней организации и дислокации австрийских и германских войск и способов их передвижения указывает на возможность подвоза войск с помощью военного и коммерческого флотов, на лёгкость овладения Либавой и на ту пользу, которую она может принести противнику как морская база». Вместе с тем Бобриков и Дубасов считали, что строительство новых приморских крепостей на данном этапе вообще нецелесообразно, так как, по их мнению, это могло быть сделано лишь в ущерб «развитию живой силы».

– Либава слишком близко расположена к границе, и любая неудача нашей армии сразу же приведёт к осаде, а потом и к потере этой базы, заодно погибнет и блокированная там эскадра. Возникает вопрос зачем грохать в эту заведомую авантюру миллионы, когда можно те же деньги вложить в какую-либо базу, более удалённую от границы, а потому более безопасную и полезную? – со свойственной горячностью высказывал Дубасов свои мысли.

Однако «либавскую затею» лоббировали весьма влиятельные лица во главе с адмиралом Чихачёвым, преследуя свои интересы. Большие строительные заказы обещали обернуться хорошими процентами лично для заказчиков. Огромные взятки сделали своё дело, и строительство Либавского военного порта началось вопреки здравому смыслу.

История полностью подтвердила правильность выводов Дубасова. Придёт время, и это неосмотрительное решение ещё очень дорого обойдётся России…

Тем временем Дубасова уже занимали куда более близкие для него дела, причём не всегда удачные. Первая неприятность произошла в мае следующего года, когда крейсер участвовал в торжественной церемонии открытия морского канала Петербург-Кронштадт. По окончании празднества «Африка» снялась с якоря и тут же вылезла носом на печально известную у балтийских моряков Семифлажную отмель. Всё это произошло на виду собравшейся публики, и конфуз получился большой. Правда, энергично работая машинами на задний ход, через пару часов

Дубасов всё же сумел стащить свой корабль с мели, но удар по его самолюбию был очень ощутимый. И напрасно утешала его супруга, что никто на сей инцидент и внимания-то не обратил: Дубасов ходил мрачнее тучи.

Едва пришли в Кронштадт – приказ: следовать в шхеры Биорке, где заниматься отработкой команды. Для связи крейсеру придали 6-тонную малую миноноску «Удав». На якоре в шхерах служба скучная. Каждый день одно и то же: постановка да уборка парусов, приборки да угольные погрузки. После майской неудачи Дубасов хандрил. Единственным развлечением были шахматные баталии с крейсерским врачом Смецким. Наконец капитан 2-го ранга не выдержал. Он взял миноноску и отправился вглубь Хмелёвского залива. За штурвал для практики поставил молоденького мичмана Полиса. Сам же, сидя со Смецким на кожухе трубы, давал команды.

Хмелёвский залив узок и извилист. То там, то здесь из пены прибоя чернеют зубья скал, потому шли на малом ходу. Сзади на буксире болтался и взятый на всякий случай паровой катерок. Наконец подошли к небольшой, впадающей в залив речушке. Дубасов с доктором сошли на берег, а с миноноски бросили якорь.

Позднее недруги обвинят Дубасова в том, что настоящей причиной его поездки в столь опасное место было желание поохотиться на уток, во множестве водившихся в тех краях. Сам же командир крейсера будет эту причину отрицать, называя иную – проверку морских навыков молодого мичмана. Но каковы были настоящие мотивы этого предприятия, так и осталось неизвестным.

После обеда командир с врачом вернулись на «Удав», и Дубасов дал команду возвращаться к крейсеру. Быстро свежело и, не желая рисковать, капитан 2-го ранга велел идти более глубоким северным фарватером. Внезапно прямо по курсу встал огромный камень.

– Руль влево! – успел крикнуть Дубасов стоявшему у штурвала мичману.

Сильный удар сбил всех с ног.

– А чёрт, вляпались! – выругался, вставая с колен, Фёдор Васильевич, потирая разбитую скулу.

Одного взгляда на миноносец было достаточно, чтобы убедиться: «Удав» прочно сел на каменный клык.

– Как жук на иголке! – невесело пошутил Миша Полис. – Что делать будем?

– Что, что! – раздражённо бросил Дубасов. – Уголь за борт сбрасывать!

Выбросив последние куски угля, попытались стащить миноноску паровым катером, но из этого ничего не получилось. Так в бесплодных попытках спасти «Удав» прошли остаток дня и ночь. Утром, оставив на миноноске Полиса с двумя матросами, Дубасов с остальными поспешил катером на «Африку», где уже начали беспокоиться о пропавших. Прибыв на базу, он известил Кронштадт о случившемся и, не теряя времени, вернулся к «Удаву» и вновь возглавил спасательные работы. Тем временем погода испортилась, и миноноску стало сильно бить буруном о камни. Вскоре треснул корпус, вода поднялась на верхнюю палубу…

Наконец, через трое суток, пришла обещанная помощь из Кронштадта: транспорт «Красная Горка» и два катера. С их помощью наконец-то удалось стащить «Удав» с камней и отправить в ремонт. Всё оставшееся до конца кампании время Дубасов писал объяснительные записки. А в январе следующего года в Кронштадтском военно-морском суде начался процесс над флигель-адъютантом Дубасовым. Председательствовал на нём старый и полуглухой контрадмирал Ристоди.

Говорят, что в те дни, встретив в Севастополе адмирала Аркаса, адмирал Чихачёв не без удовольствия рассказал ему новость о происшедшем с Дубасовым.

Старик Аркас лишь покачал головой:

– Этим всё и должно было рано или поздно кончиться, уж слишком шустрый!

Как быть с командиром «Африки», суд решал долго, дотошно опрашивали свидетелей, сличали показания.

В конце обвинитель кавторанг Остерлецкий объявил:

– Карта Хмелёвского залива издана ещё в 1842 году, и камня, ставшего причиной аварии, на ней нет. Посему вины капитана 2-го ранга Дубасова в крушении миноноски я не усматриваю и обвинять не считаю возможным!

Белобородый Ристоди был того же мнения:

– Неосторожности в плавании «Удава» нет. А крушение его есть неизбежная в море случайность.

Затем с последним словом выступил и сам виновник. К удивлению многих, Дубасов о самой аварии не произнёс ни слова Говорил он об ином:

– Если высокий суд вынесет обвинительный приговор против меня, то прошу, чтобы в приговоре во избежание печальных последствий его для миноносной службы было отмечено, что действия мои признаны наказуемыми не потому, что они неправильны, а потому, что ответственным является не командир миноноски, а я, штаб-офицер, четверть века состоящий в службе,

и, следовательно, офицер с взглядами настолько твёрдыми, что поколебать их могут лишь самые веские доказательства их неправильности, а не страх ответственности!

После такой речи судьи удалились на совещание, и вскоре был объявлен оправдательный приговор. Убытки были списаны на счёт казны. Небезынтересно, что речь Дубасова на суде в отпечатанном виде имела большую популярность у флотской молодёжи.

– Ну и нахал! – негодовали завистники. – Он и из поражений выходит в героях!

А Дубасов трудится не покладая рук. Днём он служит, а ночами пишет свои соображения по современной морской войне. Лекция Дубасова «О миноносной войне» (позднее изданная у нас в виде брошюры) – новейшем явлении того времени – почти сразу же переиздаётся военными ведомствами Англии и Франции. В записках и письмах Дубасова 80-90-х годов нашли отражение многие политические, военные и морские вопросы того времени. Видя ошибочность направления, возобладавшего с конца 80-х годов в Морском министерстве, Дубасов неоднократно посылал в Петербург рапорты и донесения, предлагая немедленно и кардинально изменить решение многих стратегических и практических вопросов отечественного военно-морского дела. Однако в Петербурге не слышали адмирала. Наибольшим злом Дубасов считает господствовавшее в российском обществе полное безразличие к проблемам военного флота. «Чудовище это, в нашей русской жизни, к сожалению, выглядывает на вас почти изо всех углов – с горечью приходится думать, что самая большая заслуга нашего времени должна исчерпываться, кажется, тем, чтобы не дать только поглотить себя этому чудовищу, заставить же его отступить перед собою суждено, по-видимому, не нам», – писал он в одном из писем своему единомышленнику адмиралу Лихачёву.

Между тем понемногу устраивался и семейный быт Фёдора Дубасова. В 1888 году у Дубасовых родилась дочь, названная Дарьей, через полтора года сын Олег. Тогда же Александра Сергеевна купила в Тверской губернии усадьбу Знаменский Раёк: красивый дом на берегу реки с несколькими сотнями десятин леса. Усадьба станет любимым местом отдыха Дубасова до конца его жизни.

После революции усадьба Знаменский Раёк использовалась как дом отдыха одного из тверских заводов. Сейчас там ресторан для «новых русских»…

В Петербурге Дубасовы обосновались на Фурштатской улице в доме № 37. По соседству с ними жили граф А. А. Голенищев-

Кутузов и писатель Николай Сергеевич Лесков. Именно здесь художник Серов написал его знаменитый портрет. Вне всяких сомнений, что Дубасов встречался по-соседски с Лесковым. Интересно, говорили ли они между собой? А если говорили, то о чём?

Незадолго до Рождества 1889 года Дубасова вызвали в министерство и к полной для него неожиданности предложили командование новейшим винтовым фрегатом «Владимир Мономах». Фрегат в это время стоял в ремонте – ему меняли вооружение после похода в дальневосточные воды. «Владимир Мономах» по праву считался в те годы одним из сильнейших в мире кораблей своего класса. И, конечно же, о командовании таким кораблём можно было только мечтать. Осенью следующего года «Мономах» ушёл в заграничное плавание.

Вокруг света с цесаревичем

Курс «Владимира Мономаха» был проложен в Средиземное море. По дороге крейсер завернул в Киль, где незадолго до этого состоялась встреча русского и германского императоров. Дубасов отметил: «Немцы страшно любезны и катаются на животе. Сам капитан над портом явился в виц-мундире раньше, чем я успел стать на якорь». Потом Северное море и Средиземное.

Из Плимута 11 ноября 1889 года:

> «Сегодня я совершенно не способен ни на что, так как с самого утра занимаюсь фрегатом, переворачиваю всё вверх дном, наводя строгие порядки, я теперь устал, как собака. Я тебе говорил, кажется, что несмотря на то, что я всем в общем доволен, настоящего МОЕГО (выделено Дубасовым. – В. Ш.) я ещё совершенно не имел времени вводить на фрегате и меня мучила мысль, что моё безучастное отношение к этой стороне судовой жизни и службы приучит всех к мысли, что так и должно быть или что, по крайней мере, так будет и всегда, что на фрегате можно будет жить так, как проповедует Толстой, т. е. работать, когда хочется и как хочется. Чтобы искоренить в самом зародыше эту зловредную ересь, я сегодня устроил фрегату домашний смотр, в котором так перебрал косточки, что в душе мне самому смешно даже. Какого холоду я нагнал им всем. Между нами же, я должен сказать, что я нашёл всё гораздо лучше, чем ожидал, и в общем совсем недурно для начала…»

Он пишет жене о своём корабле, как о живом существе. Он в восторге от своих офицеров:

> «…В лице „Мономаха“, с его составом, я нашёл надёжное судно, которое с этой стороны меня положительно радует и даёт спокойную уверенность за будущее. Судно пока держит себя превосходно, отлично работая своей могучей машиною, у которой стоит надёжный и опытный хозяин – старший механик, штурман, от которого главным образом зависит мой покой в море, тоже вполне верный человек, притом ещё отличный и приятный малый. Внутренняя жизнь, до которой, по правде сказать, я ещё до сих пор не имел

времени близко касаться, идёт под опытным руководством старшего офицера, и я знаю, что мне не трудно будет дать ей желаемое направление, как только станет свободнее…»

В январе 1890 года крейсер пришёл в Пирей – обычную стоянку русского флота в этих водах. Там Дубасов получил приказ управляющего Морским министерством Чихачёва и начальника Главного морского штаба Кремера остаться на Средиземном море до осени, чтобы войти в состав отряда, отправляемого на Дальний Восток с великим князем Георгием Александровичем. А пока крейсер работал стационером, в основном в греческих портах.

Почти год пробыли в Средиземном море, где фрегат исполнял роль стационера. В это время на «Мономахе» вспыхнул конфликт между командиром и кают-компанией. Предшественник Дубасова капитан 1-го ранга Кроун был человек мягкий, и на его фоне жёсткость и требовательность нового командира многим пришлась не по вкусу. Сам же скандал разразился на переходе корабля в греческий порт Порос. Тогда часть офицеров демонстративно отказалась от исполнения своих служебных обязанностей. Этого Дубасов стерпеть не мог.

– С момента моего прибытия на корабль я ежедневно являюсь свидетелем безобразных упущений и дремучего невежества фрегатских офицеров! – объявил он им. – Посему кто не желает служить по чести, милости прошу оставить фрегат!

Порядок на корабле вскоре был восстановлен, хотя Дубасову пришлось отослать в Россию нескольких офицеров. Заменил он и старшего офицера, вместо списанного из России прибыл лейтенант Цвынский (будущий основоположник эскадренной централизованной стрельбы, вице-адмирал). С прибытием Цвынского, который быстро нашёл общий язык с Дубасовым, ситуация на корабле значительно улучшилась.

Всё свободное время, как и прежде, Дубасов уделял любимому минному делу: только за один месяц «Мономах» более семидесяти раз стрелял самодвижущимися минами. Это был рекорд! Из всех видов оружия новый командир верил более всего в мины и… таран. Не стоит его за это осуждать, таковы были тогда взгляды не у него одного. Гордый тем, что довёл стрельбу минами до совершенства, Дубасов всегда при случае заявлял:

– В минном вооружении моего фрегата я вправе отныне видеть самую грозную силу.

Во время пребывания в Пирее Дубасов заводит дружбу с королём Греции Георгом, ведёт с ним долгие беседы о политике и

даже пытается убедить короля заключить договор с Россией. Разумеется, что такие разговоры в обязанность командира корабля не входят, но Дубасов есть Дубасов! Он всегда и везде старается принести максимальную помощь своему Отечеству. Король, правда, несколько мнётся, напоминая, что есть ещё английский и французский факторы, которые нельзя сбрасывать со счетов. В свободное время он обучает управлению шлюпкой принцев Георга и Константина. Король и капитан 1-го ранга расстаются большими друзьями. Что касается королевы, то она провожает на своей яхте уходящий «Владимир Мономах» до границы территориальных вод.

15 марта «Мономах» вышел из Пирея, сопровождая яхту «Сфактерия» с греческой королевой русского происхождения к Дарданеллам. На «Мономахе» знали, что яхта свободно развивает 14,5 узла и что фрегату за ней не угнаться – машины и котлы поизносились, несмотря на недавний ремонт. Но этикет обязывал. Дубасов обещал королеве не отставать. Когда дали полный ход, фрегат обогнал «Сфактерию» – он шёл на 15,5 узла! Это было на 1,5 узла большим, чем на ходовых испытаниях в ноябре 1889 года. Командир был в полном восторге и не знал, как благодарить своего механика.

В начале апреля 1890 года пришла секретная телеграмма, в которой предписывалось закончить все необходимые ремонтные работы, положенные учения и быть готовым к встрече отряда с наследником цесаревичем Николаем Александровичем и его братом Георгием, которые отправлялись в путешествие на Дальний Восток. Сами великие князья расположились на борту фрегата «Память Азова», «Мономах» же выступал в роли корабля-конвоира. Вначале оба фрегата обошли все крупные средиземноморские порты. Великие князья гуляли по Некрополю, кормили мясом нильских крокодилов.

После многочисленных изменений в планах контуры экспедиции определились, и вскоре крейсера «Память Азова» и «Владимир Мономах» вышли в долгое плавание. Они прошли Суэцким каналом, пересекли Индийский океан, прошли Сингапур и Батавию, и, наконец, 25 апреля бросили якорь в бухте Кобе. На переходе Дубасов пишет письма своей супруге. Как много могут сказать о человеке даже частные письма!

Из письма Дубасова супруге:

> «Наследник в восторге от своего путешествия, третьего дня мы, командиры, были приглашены обедать на „Азов“ и мне удалось очень долго говорить с наследником (который, кстати сказать, чрезвычайно мил

со мною). Я думаю, что всё это путешествие, как теперь, так и в особенности в будущем, отразится чрезвычайно благодетельно на его мировоззрении и характере…»

Из письма Дубасова жене:

«Надо тебе сказать, что Ломен (командир крейсера „Память Азова“. – В. Ш.) немножко помешан на том, чтобы беречь свои шлюпки, и в особенности свои паровые катера.

От этого они вечно висят на боканцах, сияя блеском своей краски, но как только приходится их куда-то послать, так они оказываются неисправными вследствие совершенной необученности прислуги. Я держусь другой системы и гоняю свои шлюпки как только можно больше и чаще, и потому, хотя они часто ободраны, поломаны и во всех отношениях носят следы варварского обращения, но прислуга всё-таки сколько-нибудь умеет управляться, и каждая шлюпка может исполнить своё назначение. Что касается офицеров, то я могу даже сказать, что те, которые способны выучиться, т. е. не вовсе безнадёжные, управляются теперь шлюпками очень недурно, а некоторые далее отлично».

Дубасов весьма гордится своим кораблём и его традициями. Он не без гордости сообщает: «…Ни один самый маленький на „Мономахе“ офицер не смотрит на офицера с другого судна иначе как свысока, и быть битым на „Мономахе“ каждый из них считает большей честью, нежели быть увенчанным лаврами на другом судне».

Из Батавии Дубасов пишет жене: «Переход этот ужасно измучил меня, так как, во-первых, плавание в виду берегов всегда очень беспокойно. А в особенности здесь, где масса мелей и очень неправильные течения, а во-вторых, я должен сказать тебе, между нами, что я совершенно не доверяю штурманскому составу, ведущему „Память Азова“, и несколько раз имел случай убедиться, что моё недоверие вполне основательно, поэтому я очень внимательно слежу за его курсами и должен бесконечно беспокоиться вдвойне – и за себя и за него».

Море есть море, и на больших переходах она выматывает не только тело, но и саму душу. На переходе из Сайгона Дубасов пишет жене: «Плавание в одиночку в густом тумане, конечно, спокойнее, чем плавание в эскадре, но так как мне неотлучно и день и ночь пришлось стоять на мостике и через каждые 15 секунд меня оглушал пронзительный паровой свисток, то под

конец суток нервы мои были до того разбиты, что я готов был броситься на человека, стоящего у этого кошмарического свистка, и задушить его. Когда к вечеру вчерашнего числа вдруг задул очень свежий ветер, и фрегат стало порядочно бросать на волнении, то я приветствовал этот шторм как избавителя, и действительно им скоро разогнало проклятый туман. Всю ночь был страшный холод, и на палубе стояла вода по щиколотку; но я, завернувшись в свой тёплый плед, спал на верхней палубе с таким сладострастием, как будто надо мной было спокойное голубое небо, наполненное звуками тихо поющих ангелов».

А впереди по курсу уже вырисовывались в туманной дымке скалистые японские берега…

Инцидент в Оцу

Хотя Япония и считала к этому времени Россию уже своим главным конкурентом на Дальнем Востоке, однако внешне всё было пока спокойно. Петербург старался лишний раз не раздражать своего тихоокеанского соседа. Совсем недавно в российской столице был оказан самый радушный приём путешествующим японским принцам. Теперь настало время и японцам отдать долг вежливости русскому цесаревичу. Последний предполагал пробыть в Японии целый месяц. К визиту наследника российского престола в Стране восходящего солнца готовились заранее. В японских газетах много писали в те дни о дружбе с Россией…

Российские корабли вошли в Нагасаки под гром орудийных салютов. Сойдя на берег, Николай катался на рикше, покупал сувениры. Там же на борт «Памяти Азова» прибыли по его вызову и два мастера тату. Один из них «работал» с Николаем, другой – с его двоюродным братом Георгом Греческим, который сопровождал Николая во время этого путешествия. По окончании визита японского мастера правую руку Николая украсило изображение чёрного дракона с жёлтыми рожками, красным брюхом и зелёными лапами.

Несмотря на секретность визита мастеров на корабль, сведения о том, что на руке наследника русского престола отныне красуется японский дракон, просочились в печать. Теперь уже татуировки наперебой делали себе и офицеры, и матросы. Такого наплыва клиентов у местных мастеров ещё не было.

Посетил Николай и русское кладбище в пригороде Нагасаки – Инасу, которое к его приезду привели в порядок.

После празднования Пасхи, 4 мая цесаревич отправился в Нагасаки уже в качестве представителя русского царя. Николай осмотрел выставку керамики, посетил синтоистское святилище Сува, с удовольствием участвовал в застольях, организуемых в его честь. Ночью официальная программа пребывания сменилась неофициальной. Вместе с Георгием цесаревич посещал ресторан «Волга», где его хозяйка в первый же вечер предложила познакомить уважаемых гостей с местными гейшами. Отныне братья возвращались на борт корабля не ранее четырёх часов утра.

В Нагасаки Николай много общался с офицерами кораблей, в особенности с командирами. Немало времени он провёл и в беседах с Дубасовым, который ему явно импонировал своими знаниями, решительностью, независимостью и, разумеется,

Георгиевским крестом в петлице.

Тем временем молодые мичманы и лейтенанты тоже не отставали от высочайших особ и также стремились обзавестись на время стоянки японскими «жёнами». Дело в том, что в Японии того времени были приняты «брачные контракты» на определённый период времени, чем всегда с удовольствием и пользовались европейские моряки. Под воздействием рассказов офицеров и только что прочитанного романа Пьера Лота «Мадам Хризантема» Николай якобы также захотел обзавестись временной женой, но наступившая Страстная неделя помешала исполнению желания молодого человека. Во время Страстной недели Николай выезжал в город инкогнито, никаких официальных встреч японцами также в это время не проводилось из уважения к православным обычаям. Но японские секретные агенты всё равно повсюду сопровождали цесаревича.

Дубасов не препятствовал увлечениям своих офицеров, следя лишь за тем, чтобы они не теряли голову от любви к экзотическим гейшам. Сам он в свободное время знакомился с японской прессой. В те дни командира «Владимира Мономаха» поразило заявление газеты «Нити нити симбун», которая утверждала: «В Европе Россию можно сравнить с рыкающим львом или разгневанным слоном, тогда как на Востоке она подобна ручной овечке или спящей кошке… Те, которые думают, что Россия способна кусаться в Азии, как ядовитая змея, похожи на человека, боящегося тигровой шкуры потому только, что тигр – очень свирепое животное».

– Не знаю, господа, как вы, но я вижу в этой завуалированной попытке нас оскорбить, это залог грядущих столкновений меж нашими державами! – говорил он приглашённым к себе на вечерний чай командирам.

– Но ведь японцы такие улыбчивые! – пожимал плечами командир «Азова» Ломен. – Зачем им на нас нападать?

– Увы, когда на сцену выходит политика и экономика, улыбки быстро исчезают! – грустно покачал головой Дубасов, сворачивая газету.

Из Нагасаки фрегат «Память Азова» доставил Николая в Кагосиму, где он побывал в замке сацумского князя Симадзу на острове Кюсю. Несмотря на то что множество нынешних токийских реформаторов вышли именно оттуда, Кагосима славилась как оплот консерваторов, и этот город никогда не включался в программу пребывания иностранных гостей. Поэтому многие японцы сочли включение этого города в программу пребывания цесаревича несколько странным. Поползли слухи, что русские привезли с собой известного мятежника Сайго Такамори,

который поднял антиправительственный мятеж в 1877 году, а впоследствии покончил жизнь самоубийством. Говорили, что он якобы чудесным образом спасся от преследования правительственных войск и нашёл убежище на необъятных российских просторах. И вот теперь русский цесаревич доставил Сайго, чтобы тот снова развернул подрывную деятельность. Эти люди утверждали: флотилия цесаревича огромна – она состоит из семи кораблей. Причём водоизмещение «Памяти Азова» составляет 6000 тонн, «Адмирала Нахимова» – 8524 тонны, «Владимира Мономаха» – 5593 тонны, а сопровождает их «крошечный» японский корабль «Яэяма» всего в 1609 тонн. «Как бы чего не вышло», – беспокоились бдительные подданные тогдашнего императора Мэйдзи.

Официальные власти, как могли, успокаивали волнующихся.

Тем временем цесаревич прибыл в Кобе, где началась уже официальная часть пребывания наследника российского престола в Японии. Первым делом Николай познакомился с Киото. Древняя японская столица произвела на Николая сильное впечатление. Он записал в своём дневнике: «Прибыли в Киото: глаза просто разбегаются, такие чудеса видели мы. Видели стрельбу из лука и скачки в старинных костюмах… Обитательницы чайных домиков – парчовые куклы в затканных золотом кимоно. Японская эротика утонченнее и чувственнее грубых предложений любви на европейских улицах».

По долгу службы во всех официальных мероприятиях приходилось участвовать и Дубасову. Зная его любознательность, вряд ли это было для командира «Мономаха» тягостью.

На 29 апреля (11 мая по новому стилю) намечалось посещение цесаревичем озера Бива. Расстояние до него от Киото небольшое. Николая и его свиту везли на рикшах. После прогулки на катерах по озеру все направились в город Оцу (город представлял собой торговый центр, где находилась рисовая биржа, а окрестности славились своими непревзойдёнными видами). В Оцу был устроен приём в резиденции губернатора. На обратном пути в Киото на одной из узких улочек Оцу произошёл неприятный инцидент. Один из полицейских бросился к Николаю и нанёс ему удар саблей. Клинок скользнул по полям серого котелка и задел лоб. Николай выпрыгнул из коляски и побежал, преступник бросился за ним следом. Георгу удалось бамбуковой тростью, которую он купил накануне, сбить с ног нападавшего. Преступник замешкался, и этого было достаточно, чтобы рикша Николая успел броситься на полицейского. Сабля выпала у него из рук, и тогда рикша Георгия подхватил саблю и ударил ею по спине.

Это был уже международный скандал! Александр III потребовал от микадо немедленных объяснений, а «Память Азова» и «Мономах» привели в полную боевую готовность.

В историю это происшествие вошло как «инцидент в Оцу». Япония оказалась перед лицом скандального дипломатического провала, и даже перед угрозой безопасности страны, так как в то время военным кораблям России, сопровождавшим престолонаследника, ничего не стоило уничтожить жалкий японский флот. О гневе российской стороны говорил факт их отказа от услуг японских врачей, присланных императором, хотя рана наследника и была пустяковой.

Дубасов собрал в кают-компании офицеров:

– Ситуация критическая. России нанесено тягчайшее оскорбление, и мы должны быть готовы постоять за её честь!

– Надо понимать, что всё идёт к войне? – заволновались офицеры.

– Надо понимать, что мы будем драться до конца! – рубанул рукой по воздуху Дубасов.

На «Мономахе» и «Памяти Азова» расчехлили орудия, прислуга сорвала пломбы с кранцев первых выстрелов. Вместе со старшими артиллеристами командиры определили цели.

– Мы готовы! – доложили они наследнику. – И ждём только команды на открытие огня!

Япония замерла в ужасе. Сам император поспешил лично приехать к Николаю Александровичу, проводил его до порта и даже поднялся на борт русского военного корабля – поступок совершенно немыслимый для правящего японского монарха. В события вмешались российский посланник Шевич и православный епископ Николай. Последний особенно усердствовал и, в частности, больше других уговаривал своего тёзку наследника не доводить дело до войны с Японией. В конце концов цесаревич принял извинения японского императора. Инцидент разрешился мирно.

Инцидент в Оцу вызвал большой переполох в правительственных кругах Японии. Приняв на себя ответственность за случившееся, ушли в отставку министры внутренних и иностранных дел. Полицейский Цуда Сандзо был осуждён на пожизненное заключение и в том же 1891 году умер в тюрьме. Двум рикшам, спасшим жизнь престолонаследника, Россия назначила огромную пожизненную пенсию. Оба получили по два ордена: орден Павлония от Японии и Святой Анны – от России. Трость, с помощью которой Георгий Греческий остановил преступника, была через год затребована в Петербург, где её украсили каменьями и отправили обратно в Афины.

…Цесаревич Николай быстро оправился от ран, хотя и страдал впоследствии головными болями. Сразу после покушения Николай записал в своём дневнике: «Всё японское мне так же нравится теперь, как и раньше 29 апреля. Я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика».

После покушения программа пребывания цесаревича в Японии была свёрнута. Несмотря на все заверения японцев, что происшедшее с наследником лишь нелепая случайность, Николай по приказанию отца прервал свой визит в Страну восходящего солнца, и корабли повернули форштевни на Владивосток.

И вот, наконец, впереди долгожданный российский берег: залив Золотой Рог, самый восточный форпост России. Цесаревича, а с ним и экипажи обоих фрегатов, встречали во Владивостоке торжественно. В честь Николая устраивались пышные приёмы и балы. Там Николай и офицеры эскадры, в том числе и Дубасов, приняли участие в торжествах по закладке первого «николаевского» сухого дока и Транссибирской магистрали. Цесаревич Николай прошёл через арку, сооружённую в честь его прибытия во Владивосток, – начало строительства Транссибирской магистрали было успешно освящено, в честь путешествия Николая по Востоку фирме Фаберже заказали очередное пасхальное яйцо, в которое была помещена модель фрегата «Память Азова».

Пока же будущий царь катался на тройках по замёрзшему Амуру, корабли ремонтировались, готовясь к неблизкому обратному походу на Балтику. На «Мономахе» провели чистку котлов, переборку машин, замену рангоута.

Отметим, что за месяцы совместного плавания будущий император мог неплохо изучить характер командира «Владимира Мономаха». По-видимому, профессиональные и волевые качества Дубасова произвели на Николая должное впечатление. Об этом, по крайней мере, говорит его отношение к Дубасову во все последующие годы.

А вскоре во Владивосток прибыл из Кронштадта капитан 1-го ранга Старк. Взойдя на борт «Мономаха», он пожал руку своему давнему знакомцу Дубасову.

– Здравствуй, Федя! Приехал принимать у тебя корабль, тебе же велено прибыть в Петербург за новым назначением.

Для Дубасова новость была неожиданной и не особенно приятной.

Служба на «Мономахе» ему нравилась, и оставлять корабль он пока не собирался, тем более что вскоре предстоял обратный переход на Балтику. Но что поделаешь! Над флотом тогда довлел

пресловутый плавательный ценз, и многие офицеры годами ждали любого назначения на плавающие корабли, что давало какое-то продвижение в чинах…

– Ну что ж, – немного помолчав, ответил Дубасов. – Тогда не будем медлить. Прошу ко мне в салон.

Уже в сентябре «Владимир Мономах» направили в практическое крейсерство под парусами по Японскому морю. После возвращения во Владивосток крейсер ненадолго задержался там – зимовать он ушёл в Нагасаки.

9 апреля 1892 года при выходе с рейда, огибая корму флагманского «Память Азова», «Мономах» выскочил на мель – Старк ещё плохо знал корабль. Через день корабль снялся и взял курс на Балтику. Через четыре с небольшим месяца крейсер отдал якорь в Кронштадтском порту.

А Дубасов в это время пересекал земной шар в обратном направлении. Вместо того чтобы добраться до Петербурга по железной дороге, Дубасов решил отправиться туда кружным путём через Америку. Вначале пароходом через Тихий океан до Сан-Франциско, затем поездом от западного до восточного побережья США, и снова пароходом через Атлантику. По пути любознательный капитан 1-го ранга посетил все американские военно-морские базы и судостроительные заводы.

В июне того же 1892 года капитан 1-го ранга Дубасов подал рапорт в военно-морской отдел Главного морского штаба, в котором он сообщал о результатах своего посещения США в минувшем году. Осмотрев военные верфи, переговорив с секретарём флота Б. Трэйси и оценив растущий военно-морской потенциал США, Дубасов высказал мысль о том, что для знакомства с американским опытом было бы полезно прислать в Соединённые Штаты компетентного морского агента, тем более что «благодаря дружественному расположению к нам, как правительства, так и народа Соединённых Штатов, нигде нужные нам или полезные сведения не сообщаются с такой искреннею готовностью и предупредительностью, как в этой стране».

– Американские штаты вскоре станут мировой морской державой, и мы должны иметь за ними тщательный присмотр! – здраво рассуждал вчерашний командир фрегата. – Пока наши политические интересы ещё не столкнулись, но как знать, что будет лет через пятьдесят?

На основе сведений и соображений, содержавшихся в рапорте Дубасова, начальник Главного морского штаба генерал-адъютант Кремер составил доклад от 30 ноября 1892 года о необходимости учреждения должности морского агента в США, на что генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович дал

положительный отзыв. В тот же день последовало «высочайшее разрешение», а 21 декабря 1892 года Александр III подписал приказ о назначении морским агентом в США капитана 1-го ранга Мертваго.

Тем временем Дубасов принимает под командование броненосец «Пётр Великий», а затем броненосную батарею «Не тронь меня». Теперь он плавает по Балтике. В 1893 году он становится младшим флагманом практической эскадры. В том же году Дубасова производят и в контр-адмиралы.

На восточных рубежах

В конце 90-х годов XIX века резко обострилась обстановка на дальневосточных рубежах России. Шёл делёж между европейскими державами растерзанного и беззащитного Китая, набирала силу и всё агрессивней становилась Япония. Правительство Российской империи укрепляло морские силы Тихого океана. Нужен был деятельный и смелый флотоводец, способный принимать самостоятельные решения. Из всех возможных кандидатур выбор остановился на контр-адмирале Дубасове.

Короткая аудиенция у Николая II – и долгий путь на Дальний Восток. В первых числах августа 1897 года Фёдор Васильевич Дубасов уже принимал во Владивостоке дела командующего эскадрой Тихого океана вице-адмирала Алексеева. Посвятив своего преемника в общих чертах в особенности обстановки, Алексеев вздохнул:

– Много сделано, в этом убедитесь сами. Эскадра в боевой готовности. Не хватает, однако, самого главного – незамерзающего порта. Посему желаю вам, Фёдор Васильевич, счастливо разрешить этот вопрос.

31 августа 1897 года контр-адмирал Дубасов вступил в командование эскадрой. Прежний начальник, успевший стать вице-адмиралом, но сумевший уклониться от решения непростой задачи выбора незамерзающей базы, убывал в Чёрное море на должность старшего флагмана. 29 октября новый начальник эскадры «вывел её в первое плавание, „Всадник“ и „Гайдамак“, занятые дефектными работами, в походе не участвовали».

Свою деятельность на посту командующего эскадрой Дубасов начал с… открытия матросской чайной. Дело в том, что оторванность от дома и необжитость края приводили к тому, что матросы, попадая на берег, тут же старались напиться.

– А что ещё нам делать? – оправдывались они, проспавшись. – С одной стороны окиян, а с другой тайга да тигры! Куды же нам податься?

Пьяниц наказывали, но помогало это мало.

– Служба морская удел трезвенников. С пьянством будем кончать! – решил Дубасов со свойственной ему твёрдостью.

Из сообщения газет:

> «21 октября 1897 года во Владивостоке состоялось освящение чайной для матросов при Сибирском флотском экипаже. Чайная разместилась в здании

бывшей типографии Сибирского флотского экипажа и состояла из двух больших комнат. В одной комнате находились буфет, два самовара и большое количество столов. Во второй были зал, освещаемый десятью лампами, и сцена. Все посетители отмечали приятное впечатление от убранства. В день освящения чайной посетителей собралось много: были матросы эскадры, офицеры, духовенство, морское начальство и несколько дам. После молебствия и освящения, совершённых священником Сибирского флотского экипажа отцом Сусловым, команды матросов были переведены в столовую. Там командующий эскадрой Тихого океана контр-адмирал Дубасов сказал: „Сегодня открыта для вас чайная, с целью доставить вам место, где вы можете проводить время приятно и трезво. От вас зависит, чтобы это было так. Садитесь и пейте чай“».

Занялся Дубасов и обучением матросов. Клипер «Крейсер» он назначил учебным судном для подготовки курсантов – будущих строевых квартирмейстеров. «Крейсер» должен был совершать учебные плавания в Славянском заливе и у берегов Гензана, одновременно исполняя роль стационера.

Как и всякий командующий, принявший ответственный пост да ещё в столь отдалённом районе, Дубасов занимался каждодневными рутинными, но весьма, на самом деле, важными делами. Сохранились его донесения о крайнем недостатке в портовых плавучих средствах: «Для наливки котлов пресной водой имелся в порту только один водяной бот. Наполнение котлов водой на крейсерах „Рюрик“, „Адмирал Нахимов“, „Адмирал Корнилов“ и „Дмитрий Донской“ заняло время с 8 по 19 июля, т. е. 11 дней. Погрузка угля производилась ещё медленнее. Так, например, „Рюрик“ принял 600 тонн в 7 суток… а чтобы принять на 4 упомянутых крейсера 1770 тонн, потребовалось времени 17 1/2 суток».

Свой флаг новый командующий поднял на крейсере «Память Азова». В октябре он вывел эскадру в большой поход.

– Будем искать новую базу для флота. Курс на Корею! – объявил он командирам кораблей.

Вытянувшись на несколько миль, эскадра густо пачкала небо чёрными султанами дымов. Со встречных судов японские рыбаки с тревогой взирали на этот парад морской мощи: «Рюрик» и «Нахимов», «Дмитрий Донской» и «Корнилов», «Память Азова» и канонерские лодки, транспорты и миноносцы…

Не торопясь, порт за портом обходил Дубасов корейское

побережье. За портом Шестакова осмотрели Гензан (порт Лазарева), затем Пусан. Наконец эскадра достигла Цусимского пролива. Когда-то адмирал Лихачёв пытался убедить правительство приобрести Цусимскую скалу и создать здесь военно-морскую базу, которая контролировала бы весь Корейский пролив. Но адмирала не послушали…

Корабли эскадры бросили якорь в глубине архипелага Каргодо, что прилепился к южной оконечности Корейского полуострова, на рейде порта Мозампо (ныне Масан). Осмотрев окрестности, Дубасов пришёл в восторг:

– Чёрт возьми, но Мозампо – это второй Гибралтар! Практически неприступный с суши, он может контролировать все здешние воды.

Вдали за отвесными холмами бурлила мутно-жёлтым потоком многоводная река Нактонг. Там же, на рейде Мозампо, Дубасов отписал в Петербург: «…Как порт, который соединял бы в себе качества, коими необходимо должен обладать конечный пункт Великого Сибирского пути и главный выход из всех внутренних частей нашего обширного отечества на берегах Тихого океана, Мозампо… без всякого сомнения, не имеет местности себе равной».

Младшему флагману эскадры контр-адмиралу Реунову он сказал:

– Будем надеяться, что петербургские стратеги наконец-то обретут решимость. Нам же остаётся только ждать.

Однако сидеть сложа руки было не в правилах Дубасова. Он берёт в руки перо и принимается за сочинение политических очерков, которые, по его мнению, могли бы оказать воздействие на общественное мнение в кругах российских политиков. Он активно участвует в политических интригах вокруг престола корейского императора с одной лишь целью – склонить его к союзу с Россией и обеспечить российское влияние на Корейском полуострове.

События меж тем развивались совсем не так, как о том мечтал командующий эскадрой Тихого океана. Всё началось вроде бы с совершенного пустяка. Российский вице-консул в Чифе, некто коллежский асессор Островерхов отправился в частную поездку в разгромленный несколько лет назад японцами китайский город Порт-Артур, что располагался на южной оконечности Ляодунского полуострова. Результатом этого посещения стала записка асессора на имя министра иностранных дел, где Островерхов доказывал «стратегическое» значение порта и крепости. Записке дали ход. МИД счёл умозаключения своего работника весьма компетентными. Министр граф Муравьёв

составил на её основе обширный доклад, который вскоре лёг на стол Николая II. Император колебался: уж больно далеко находился от метрополии этот Порт-Артур.

14 ноября 1897 года в Царском Селе собралось особое совещание под руководством императора. Обсуждался вопрос: занимать ли Ляодунский полуостров и Порт-Артур?

Против занятия порта высказался министр финансов Витте:

– Мы заключили с Китаем договор, чтобы защищать друг друга. Как же мы можем после этого захватывать его территории? Порты следует искать на корейском побережье.

Глава российской внешней политики граф Муравьёв был, наоборот, за немедленное занятие порта. Военный министр Ванновский воздержался. Управляющий Морским министерством адмирал Тыртов, уже ознакомленный с бумагами Дубасова, занимать Порт-Артур не желал.

– Этот порт станет камнем на шее флота. У нас на Востоке ещё слишком мало сил, чтобы жить «на два дома»: Владивосток и Порт-Артур, удалённые друг от друга больше чем на тысячу миль. Мы бесцельно будем сжигать запасы топлива, изнашивать механизмы. Но самое главное – в случае войны связь между обеими базами будет легко перерезана.

– А каково мнение на этот счёт командующего Дальневосточной эскадрой? – поинтересовался Николай II.

– Мы в оценке ситуации единодушны, – ответил старый адмирал. – Нам нужен порт в Корее, и лучший из них – Мозампо.

Со своего места буквально подскочил граф Муравьёв:

– Моряки беспрестанно вмешиваются во внешнюю политику и путают нам все карты! В Корее мы ведём тонкую игру, а занятие порта непременно озлобит как Японию, так и Англию. Дело флота плавать, а наше – обеспечивать им условия для этого.

– Не понимаю, – буркнул в седую бороду Тыртов. – Кто для кого: флот для МИДа или МИД для нас? Во всяком случае, расхлёбывать эту кашу придётся именно нам!

Император в спор особо не вмешивался. Сидел молча. В конце совещания коротко заявил:

– Ляодунский полуостров занимать не будем.

Узнав о результате особого совещания, Дубасов воспрянул духом: борьба за Мозампо продолжается! А события на Востоке развивались стремительно. Немцы оккупировали китайский порт Киао-Чау, японцы не менее энергично «осваивали» Корею. Заволновался и Лондон: англичане не привыкли плестись в хвосте событий. В восточных водах появилась мощная британская эскадра, державшая курс на порт Чифу. Агенты докладывали, что англичане заинтересовались Порт-Артуром и вот-вот его захватят.

Всполошились Берлин и Токио, нервничали в Петербурге. Все эти обстоятельства и побудили управляющего Морским министерством захватить архипелаг Каргода с портом Мозампо. Дипломатический и военный представитель России инициативу адмирала поддержали. Для гарантии захвата решили сразу же минировать все второстепенные фарватеры Мозампо.

Об этих предстоящих мерах, включая доставку из Владивостокского порта 450 мин в придачу к имевшимся на эскадре 250 минам и на транспорте «Алеут» 200 минам, Дубасов сообщал командиру Владивостокского порта контр-адмиралу Чухнину.

Но петербургская бюрократия успела к этому времени склониться к совсем другой, не предвидимой Дубасовым комбинации. Всё решил обстоятельный доклад министра иностранных дел графа Муравьёва, представленный императору 11 ноября 1897 года. В нём, не запрашивая мнение начальника эскадры и Морского министерства, обосновывалась необходимость для базирования флота занять бухты Талиенвана близ Порт-Артура. Это, как приходится думать, была давняя интрига императорской камарильи, которой сыграло на руку легкомысленное поведение адмирала Алексеева. Он вместо решения трудной задачи выбора незамерзающей базы потерял время на ничего не дававшие флоту экскурсии в Гонконг и Шанхай.

В итоге совершившихся государственных дипломатических кульбитов адмиралу Дубасову 29 ноября 1897 года в 2 часа 30 минут ночи была послана телеграфная директива: «Согласно Высочайшей воли немедленно по получении послать в Порт-Артур с контр-адмиралом Реуновым отряд из крейсеров и лодок, всего в числе трёх судов». Телеграммой от 30 ноября уточнялось: «вопрос о занятии Мозампо не возбуждался».

29 ноября Дубасов поднял пары на своих крейсерах, готовый ринуться в Мозампо. Обстановка накалилась до крайности.

В адмиральском салоне «Рюрика», коротая ночь, командующий нехотя мешал ложкой чай. Напротив сидели командиры крейсеров «Рюрика» Гаупт и «России» Доможиров. Часы показывали 2 часа 30 минут.

– Необходимо серьёзно усилить эскадры, – заметил каперанг Доможиров. – У нас до сих пор нет ни одного броненосца. Случись что, и серьёзного боя нам не выдержать.

– Броненосцы, думаю, скоро нагонят, – вздохнул Дубасов. – Дело в ином. Во Владивостоке мы ремонтируемся кое-как. Если что серьёзное – то гоним корабли в Нагасаки или через три океана в Россию. Так воевать нельзя. А министерство всё режет

судоремонтные кредиты. О чём они там думают, не представляю!

В дверь постучал начальник корабельной радиостанции:

– Телеграмма из министерства. Очень срочно!

– Никак, решили всё-таки дело с Мозампо! – обрадовался контрадмирал, беря в руки бумагу.

Но по мере того как он читал, лицо его бледнело.

– Ну вот и всё, – мрачно покачал головой Дубасов. – Мы вступаем на путь, с которого уже не свернуть до самого трагического конца.

Приказано срочно занимать Порт-Артур.

– Не может быть!

– Оказывается, может! Читайте!

Дубасов протянул офицерам телеграфный бланк. Те впились глазами в прыгающие буквицы: «Согласно Высочайшей юли немедленно по получении послать в Порт-Артур с контр-адмиралом Реуновым отряд из крейсеров и лодок, всего в числе трёх судов».

Цепляясь за соломинку, Дубасов сразу же отбил ответную телеграмму: «Как решается вопрос с занятием Мозампо»? Телеграммой от 30 ноября ему уточнили: «Вопрос о занятии Мозампо не возбуждался».

В тот же день младший флагман эскадры контр-адмирал Реунов, подняв свой флаг на «Адмирале Нахимове», повёл часть эскадры к берегам Жёлтого моря.

– На Артур! – говорили беззаботные мичмана, радуясь перемене мест и новым впечатлениям.

– На Артур! – раздражённо досадовали лейтенанты, оставившие во Владивостоке семьи.

– На Артур! – безнадёжно махали руками командиры кораблей, разделяя тревогу командующего по происходящему.

Отныне название Порт-Артур навсегда входило в историю российского флота…

Каждодневно менявшиеся обстоятельства начавшейся портартурской эпопеи сопровождались постоянными заданиями и резолюциями императора. Как азартный игрок, он с лихорадочным вниманием следил за деталями разворачивавшейся по его замыслам аннексии. Главными её героями были неустанно действовавший граф Михаил Николаевич Муравьёв и непосредственный исполнитель императорского замысла младший флагман Тихоокеанской эскадры контр-адмирал Реунов, которому ставилась невыполнимая задача – тремя кораблями загородить иностранным кораблям входы на захваченные рейды. С тайным заданием покинувшие Нагасаки 1 декабря 1897 года эти корабли

– крейсер «Адмирал Нахимов», «Адмирал Корнилов» и канонерская лодка «Отважный» – пришли в Порт-Артур 5 декабря, там застали лишь два китайских корабля и никаких иностранных.

По счастью, китайские власти, имея предписания своего правительства, помогли русским, расставив в гавани свои корабли. С ними мнимую оборону от иностранцев держала канонерская лодка «Отважный». Два других корабля – «Адмирал Нахимов» и «Адмирал Корнилов» – сторожили внешний рейд. Роль графа Муравьёва настолько была всеохватна, что адмиралу Тыртову оставалось лишь смиренно запрашивать: не обмолвилось ли случаем его императорское величество о намерении послать в Тихий океан (как это давно ожидали в министерстве) из Средиземного моря броненосцы «Наварин» и «Сисой Великий». Оказалось, что никаких указаний об этих кораблях министру преподано не было. В таких условиях, далеко не отвечающих престижу великой державы, совершился в качестве временной меры захват Порт-Артура.

После захвата Порт-Артура связь с эскадрой осложнилась, а посыльные суда, имевшиеся в эскадре, были слабы вооружением и ненадёжны своими машинами. Поэтому в телеграмме от 27 декабря Дубасов настаивал на присылке хотя бы клипера «Всадник» и шести миноносцев. Эскадру, ввиду появления у японцев броненосцев «Фуджи» и «Яшима», следовало без промедления усилить двумя броненосцами, находившимися в тот момент в Средиземном море. «После прибытия лодки „Бобр“, „Всадника“ и шести миноносцев эскадра могла бы смело занять наступательное положение», – писал Дубасов.

Чувствуя, что начальство не слышит его доводов, он в письме от 23 января 1898 года посланнику в Японии барону Р. Р. Розену пытался через дипломатическое ведомство довести мысль о вредоносности «тяжёлых обстоятельств смирения и осторожности» относительно влияния в Корее. Японцев все эти уступки всё равно не умиротворят и к дружбе с Россией не расположат. «Можно подумать, что правительство наше не допускает мысли о войне с Японией, между тем эта страна деятельно и настойчиво готовится к ней». Нужно не отступать в Корее, чтобы «не быть застигнутыми в беспомощном состоянии».

Но власти продолжали держать адмирала в неведении об уже почти окончательном решении превратить Порт-Артур в главную базу флота. Только 14 января поверенный из Пекина сообщил об этом намерении правительства, и адмирал получил приказание со всей эскадрой идти в Порт-Артур. 23 января он вышел из Нагасаки и 26 января прибыл в Порт-Артур. В гавань корабли войти не могли и встали па внешнем рейде. Телеграммой от 2

марта адмирал подробно, как это предписывалось, сообщал об осмотре новоприобретённых портов и с полной откровенностью раскрыл все их стратегические неудобства.

Напоминая об уроках японо-китайской войны, он предостерегал от риска их повторения, так как обширный и удобный Талиенванский залив может стать базой для обеспечения штурма Порт-Артура. Эта опасность заставляет Талиенван укрепить столь же основательно, как и Порт-Артур, т. е. нести на эти цели двойные расходы. В заключении адмирал писал: «Как база для наших морских сил Порт-Артур совершенно не отвечает требованиям, находясь в 560 милях от середины Корейского пролива, узлового пункта сообщения между Сибирью, Китаем, Кореей и Японией, не даёт возможности наблюдать за ними, а тем более командовать над этими сообщениями». Не обеспечивал Порт-Артур (от 600 до 1000 миль расстояния) и защиты отечественной оборонительной линии, идущей вдоль берега Японского моря. Опасно было и 1080-мильное расстояние от Порт-Артура до Владивостока, мало было надежд на ожидавшуюся связь с Россией по железной дороге.

Но император не нашёл нужным задуматься над полностью оправдавшимися в 1904 году предостережениями адмирала. Не взволновала эта телеграмма и смотревшим в рот императору сановникам из Морского министерства. Не шелохнулся и генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович. Никакого совещания для обсуждения телеграммы созвано не было. Николай II, упиваясь успехом своей дипломатии, по-ребячески был доволен тем, как ему удалось перехитрить и англичан, и японцев. На полях доклада генерал-адмирала, извещавшего о приходе в Порт-Артур 4/16 декабря отряда контрадмирала Реунова, он от полноты чувств начертал: «Слава Богу. Я нахожу желательным, чтобы два наших крейсера были посланы в Талиенван, покуда англичане его не заняли. Прошу сообщить об этом Дубасову. По занятию этих двух портов я буду спокойно относиться к дальнейшим событиям на Востоке».

Дипломатия тем временем продолжала лгать. Посланник в Японии барон Розен 13 декабря 1897 года телеграфировал из Токио контрадмиралу Дубасову: «Японскому правительству сообщено было, что государь император признал необходимость повелеть, чтобы отряд нашей эскадры отправился для временной стоянки в Порт-Артур, на что последовало согласие китайского правительства. Заявление это принято к сведению в том же дружеском духе, в котором оно было сделано».

Сам же Дубасов упрямо оставался во Владивостоке, непрерывно бомбардируя Петербург телеграммами, доказывая

ошибочность принятого решения. Наконец строптивцу недвусмысленно сообщили, что «при существующем политическом положении дел на Крайнем Востоке всякое действие наше в Корее, могущее вызвать основательное подозрение японцев, должно быть признано безусловно нежелательным…»

23 января 1898 года над «Рюриком» взвились флаги: «Следовать за мной». Обменявшись салютацией с владивостокской крепостью, главные силы Тихоокеанской эскадры взяли курс на Порт-Артур. Впереди, круша коваными форштевнями волну, шли броненосные крейсера, следом качались в разводьях пены бронепалубные. Вокруг, то забегая вперёд, то уносясь куда-то в стороны, шныряли канонерки и миноносцы.

Дубасов был мрачен, и по этой причине с «Рюрика» в этот раз «фитиляли» командиров кораблей больше обычного.

– Штормит наш адмирал! – обменивались мнением в ходовых рубках. – Не хочет командовать желтоморской эскадрой!

Крепость и порт в Артуре Дубасов нашёл в разорении чрезвычайном. Фёдор Васильевич был удручён. Предстояло соорудить огромный волнолом, чтобы прикрыть рейд, провести серьёзные земляные работы, чтобы хоть немного углубить мелководную гавань. Ведь выйти и войти в Артур можно было лишь дважды в сутки – при полной воде.

– Ни дать ни взять мышеловка! – в сердцах сплюнул контрадмирал.

В Петербург он отписал: «Как база для наших морских сил Порт-Артур совершенно не отвечает требованиям…»

Столица промолчала. Там вопрос о занятии крепости был решён окончательно и бесповоротно. Дубасов подписал акт на китайский манер: «Адмирал Ду». Так отныне его станут называть китайцы, таким отныне станет его прозвище среди моряков-тихоокеанцев.

Тем временем 10 декабря начальнику эскадры из ГМШ было послано предписание – кораблям в Порт-Артуре остаться на зимовку, для чего следовало подготовить запасы угля, одежды, продовольствия. Всё ещё боясь, как бы иностранные державы не вытолкали русских из вероломно захваченного Порт-Артура, начальник ГМШ 14 декабря запрашивал адмирала Реунова: «Министр приказал сообщить истинные пеленги места „Нахимова“, положение и расстояние других судов от него». Пеленги были сообщены. Надоедливые англичане тем временем не переставали воздействовать на психику русских: за шедшим из Нагасаки в Порт-Артур «Корейцем» в пути из Чифу увязались

крейсеры «Иммортейлит» и «Ифигения». Они входили в состав державшейся между Чифу и Чемульпо британской эскадры адмирала Буллера (броненосец «Центурион», крейсера «Эндаунтуд», «Нарциссус», «Феникс» и «Алжерин»). В одно время эти два крейсера-преследователи отдали якоря на внешнем рейде, но входить в гавань не стали. Китайцы держали сигнал: «вход в порт запрещается». И император не выдержал. На всеподданнейшей записке графа Муравьёва от 20 декабря о необходимости усилить оборонительные средства России в Тихом океане он начертал: «Вполне согласен с Вашим мнением, нам необходимо возможно сильнее подкрепить эскадру Тихого океана».

22 декабря начальнику эскадры Средиземного моря контрадмиралу Андрееву было предписано послать в Тихий океан броненосцы «Наварин» и «Сисой Великий». Идти им следовало соединённо, не задерживаясь в портах. В Порт-Артуре тем временем лихорадочно собирали запасы для зимовки.

9 марта 1898 года пришёл на рейд Порт-Артура, где стояла наша эскадра, под начальством контр-адмирала Дубасова пароход Добровольного флота «Саратов», на котором прибыли из Владивостока: батальон 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, четыре пушки и взвод Забайкальского казачьего войска.

14 марта, после переговоров с командующим всеми китайскими войсками в Порт-Артуре генералом Сун Чином, выяснилось, что китайское правительство уступает Порт-Артур России и что китайские войска будут выведены оттуда. 15 марта 1898 года была подписана конвенция между Китаем и Россией об уступке России части Ляодунского полуострова. Дубасов и китайский генерал Сун подписали бумагу о передаче порта и крепости.

Не теряя времени, Дубасов поручает снабженцу российского флота на Дальнем Востоке Гинсбургу устройство в Порт-Артуре различных складов. Вскоре начал прибывать гарнизон крепости, который также пользовался услугами складов Гинсбурга.

В этот же день контр-адмирал Дубасов получил известие, что китайские войска уходят из Порт-Артура, почему в 6 часов вечера он приказал «Саратову» войти в порт и высадить войска на берег. Три роты немедленно были двинуты в город для занятия помещений, оставленных китайскими войсками.

16 марта в 8 часов утра великий князь Кирилл Владимирович поднял русский флаг на флагштоке Золотой горы, после чего батарея и эскадра отсалютовали флагу. В этот день весь отряд был высажен на берег. Некоторые жители бежали, но большинство их вскоре вернулось.

23 марта на пароходе Добровольного флота «Хабаровск» прибыл ещё один стрелковый батальон, а 25 марта прибыл генерал-майор Волков, вступивший в командование всем сухопутным отрядом. В этот же день десантом с трёх судов, стоявших в Талиенване, был занят и этот пункт, откуда ушли китайские войска, бывшие под начальством генерала Ма Юйкуна. В углу гавани одиноко дымил трубами китайский крейсер «Хай-Юн» – гость в своём доме.

Так произошло занятие Квантуна. Так состоялся выход России к незамерзающим берегам восточных морей. Минет всего лишь пять лет – и трагические события Русско-японской войны покажут правоту адмирала Дубасова. К сожалению, слишком поздно…

Враги или дураки?

Вскоре в Артур перебралась и Александра Дмитриевна. Былая наивная хохотушка давно превратилась в гордую и степенную адмиральшу. Приехав, она перво-наперво распорядилась, чтобы на фронтоне дубасовского дома вылепили фамильный герб – серебряную галеру с золотыми вёслами. Затем взялась и за жён офицерских. И если командиры кораблей вечерами засиживались в кабинете у адмирала, то их супруги получали дельные советы и наставления от адмиральши. Будучи женщиной далеко не глупой и любознательной, Александра Дмитриевна старалась быть в курсе всех эскадренных дел, а иногда даже присутствовала на служебных совещаниях.

У самого Фёдора Васильевича дел меж тем хватало. Не всё шло так гладко, как хотелось бы. Не установились, к примеру, отношения с прибывшим в Артур сухопутным генералом Субботичем. Тучный и надменный Субботич, едва приехав, сразу же объявил себя начальником всех сил, находящихся в порту и крепости. Дубасов промолчал. Генерал, расценив это как свою победу, начал требовать от Дубасова ежедневных докладов о положении дел в эскадре. Это уже был вызов, и Дубасов возмутился:

– Коль крепость для эскадры приобретена, а не наоборот, то моряку здесь и главенствовать надлежит!

Но Субботич был мнения иного, а флотских принялся просто третировать, подвергая не только оскорблениям, но и арестам. Это переполнило чашу терпения решительного «адмирала Ду».

Развязка ждать себя не заставила. В один из ближайших праздников, когда после торжественного построения всех гарнизонных частей и богослужения начальственные особы направились приложиться к кресту, толстый Субботич попытался демонстративно обогнать Дубасова, чтобы оказаться у распятия первым. Но не тут-то было! В самый последний момент, когда тяжело дышавший генерал уже сложил губы дудочкой и тянулся к кресту, подоспевший Дубасов словно невзначай подтолкнул локтем соперника и тот, промахнувшись, смачно чмокнул в пустоту.

Позор получился большой. Разобиженный Субботич в тот же день отписал возмущённую бумагу военному министру, а Дубасов тут же парировал её аналогичным посланием на имя генерал-адмирала. Вскоре для разбирательства из столицы прикатила внушительная комиссия во главе с генерал-адъютантом Доменом.

Дубасов разъяснил ситуацию Домену здраво:

– Я нарочно пошёл на столь мальчишеский шаг, чтобы привлечь внимание к вопросу единоначалия. Обстановку на Востоке вы знаете: не сегодня-завтра грянет! В Артуре же нет до сих пор единого руководителя. И это при том, что у нас за спиной опыт Севастополя! Неужели нужна ещё одна головомойка, чтобы понять столь очевидное!

– Конечно, конечно, Фёдор Васильевич, – кивал головой Домен. – Но каково ваше мнение, кому надлежит руководствовать в Артуре?

– Моё мнение однозначно, – хлопнул ладонью по столу адмирал. – Во главе приморских крепостей должны стоять моряки! Россия помнит Нахимова, но напрочь забыла Остен-Сакена!

Только спустя два года Николай II счёл нужным поинтересоваться результатами работы комиссии. Прочитав бумагу, повздыхал и сказал:

– Видимо, единовластие в Артуре и в самом деле необходимо. Будем думать!

Но ни до начала Русско-японской войны, ни до начала осады Порт-Артура вопрос о единоначалии так и не был решён…

Распрощавшись с Ломеном, Дубасов предпринял ещё две отчаянные попытки, чтобы хоть как-то поправить тяжёлое положение с базированием нашего флота на Востоке. Делал он это на свой страх и риск, без всякого разрешения из Петербурга. На что надеялся? Наверное, на здравый смысл столичных деятелей, которые должны наконец понять, что Порт-Артур – это ловушка и что следует, пока не поздно, искать новые места базирования.

Прежде всего, Дубасов попытался занять архипелаг Миао-Дао, что занимал стратегически важное положение неподалёку от Порт-Артура. Не теряя времени, адмирал выслал туда крейсер «Дмитрий Донской» со строгим приказом отгонять от островов всех, невзирая на флаги. Но и здесь Дубасов не нашёл поддержки. За самоуправство ему был объявлен выговор, а крейсер велели немедленно вернуть. Именно острова Миао-Дао станут в период осады Порт-Артура летучей базой японского флота, что значительно осложнит положение русской эскадры.

«Ладно, – проглотил обиду адмирал. – Попробуем укусить наших друзей с другой стороны». Заручившись частной поддержкой наших послов в Пекине и Сеуле, адмирал принялся выторговывать у корейцев небольшую территорию порта в столь любимом им Мозампо. Официально он объявил, что кусок земли нужен ему исключительно для угольного склада.

– Возьмём участок, значит, не пустим японцев в Мозампо, –

внушал он своим штабным. – А там видно будет. По крайней мере, всегда будет где приткнуться по пути из Артура во Владивосток.

О необыкновенной храбрости Дубасова ходили легенды. «Не человек – кремень» – так отзывались о своём командующем, моряки тихоокеанской эскадры. Это мнение разделяла в конце XIX – начале XX века вся Россия. Казалось, что на этот раз храбрость и решимость Дубасова сделают своё дело.

Но снова заработала бюрократическая машина. И хотя всё было уже сделано и оставалось только перечислить корейцам деньги, вмешалось Министерство иностранных дел. Граф Муравьёв чувствовал себя лично оскорблённым.

– Что там у вас происходит?! – выговаривал он новому управляющему Министерством адмиралу Авелану. – Какой-то эскадренный начальник решает за меня дела высокой политики. Задета не только честь моего министерства, но и моя лично! Я требую снятия с должности этого партизана!

Священник Николай Касаткин, обращавший японцев в православие, вспоминал позднее: «„Зачем Вам Корея?“ – вопросил я когда-то адмирала Дубасова. „По естественному праву она должна быть наша, – ответил он, – когда человек протягивает ноги, то сковывает то, что у ног; мы растём и протягиваем ноги, Корея у наших ног, мы не можем не протянуться до моря и не сделать Корею нашею“».

А в Мозампо уже ошвартовалась канонерка «Кореец», наглядно показывая серьёзность российских намерений. Всполошились японцы. А тут и новая телеграмма из столицы: «Предоставить документы для разбирательства. До выяснения всех обстоятельств все покупки прекратить».

И пошла писать губерния! Дубасов бумагу, ему три в ответ, он три, ему восемь! Наконец даже до Муравьёва дошло, что кусок землицы нам не помешает. Граф выдавил из себя: «Да».

Но было уже поздно. Японцы через подставных лиц перекупили землю, а для защиты её от русских посягательств пригнали отряд крейсеров адмирала Хидака. Мозампо был потерян для русского флота навсегда.

Тем временем Дубасов уже вовсю занимался обустройством Порт-Артура. И опять ему не сиделось спокойно! Фёдор Васильевич теперь стремился убедить петербургских стратегов оставить в Артуре китайский флот.

– Мысль проста, – удивляется адмирал несообразительности императора и министров. – Мы за просто так получаем сильного союзника, как на суше, так и на море!

Китайские корабли было велено немедленно из Артура

выдворить.

– Будто рок какой-то, – разводил руками Дубасов. – Стоит что-то предложить, как тут же велят делать всё наоборот. Не пойму, то ли враги там сидят, то ли дураки!

Весной 1900 года, оставив в Артуре несколько судов, эскадра двинулась во Владивосток на ремонт. «Рюрик» с «Россией» завернули в Иокогаму. Так русских моряков в Японии ещё не встречали: японцы буквально таяли от улыбок и не разгибали спин от беспрерывных поклонов.

– Русики! Русики! – хлопали они в ладоши. – Наш дом – ваш дом! Заходи, заходи! Дорогим гостем будешь!

– И чего это они так нас вдруг полюбили? – удивлялся мичман с «Рюрика» Петя Вырубов, сидючи с затёкшими ногами на циновке и попиваючи сакэ.

– А того, Петенька, что Мозампо мы им подарили, а такой подарок многого стоит! – отвечал ему командир крейсера Николай Александрович Гаупт.

Помимо всего прочего, с эскадрой Дубасов привёз и много русских орденов, жалованных Николаем II японским вельможам. Ордена адмирал раздавал, сверяясь со списком. Вечером жаловался:

– Вроде вчера уже одному проходимцу Станислава вручал, глядь, а он сегодня уже за Владимиром бежит! Поди их разбери, все как один друг на друга похожи!

В свою очередь от имени японского императора Дубасову был пожалован орден Восходящего Солнца. Орден адмирал принял, но не носил его никогда. Затем была торжественная аудиенция у императора. И наконец, вершина гостеприимства – перенесение традиционного японского праздника «цветение вишен», в связи со скорым уходом русских кораблей, на более раннее время. Но Дубасов насчёт благожелательности японцев не обольщался. В Петербург он доносил: «Главною причиною, несомненно, возникшего нынче в Японии желания установить с Россией добрые отношения является принятая нами в Корее новая политика, которая более не угрожает… интересам Японии».

Наконец, оставив за кормой гостеприимную Иокогаму, корабли устремились к родным берегам во Владивосток. Там Дубасов снова (в который уже раз) вступил в полемику с министерством. Причиной тому стало нежелание столичных флотоводцев серьёзно заниматься судоремонтом на востоке. Наверное, здесь и сорвался командующий эскадрой. Сказалось многомесячное нервное напряжение. Дубасов отправлял резкие телеграммы, получал выговоры и отправлял новые депеши.

Уже после занятия Порт-Артура Дубасов вернулся во

Владивосток для ремонта кораблей, ему пришлось телеграфировать в Петербург, что Владивостокский порт по-прежнему, не удовлетворяет потребности эскадры: «Без материалов работать невозможно, а в Порт-Артуре их нет, и во Владивостоке их недостаточно… Все оказавшееся в порту уже разобрано нашими судами, и теперь порт покупает на рынке то, что можно найти, таким образом, уже 1 1/2 года эскадра живёт случайными присылками и мелкими покупками… Большая часть исполнявшихся в этом году дефектов осталась от прошлого года, хотя суда и чинились во Владивостоке до наступления морозов; если бы суда не произвели ремонт в Японии, большая часть их не могла бы теперь двигаться».

– Надо было срочно развивать ремонтную базу на Дальнем Востоке, строить доки, мастерские, заводы. Но денег на это особенно никто не выделяет. Единственный сухой док не в силах обеспечить всё увеличивающуюся эскадру! – злился Дубасов и слал в столицу всё новые телеграммы.

– И что это Дубасов так беспокоится? – раздражённо хмыкали столичные начальники, читая его послания. – Зачем вкладывать огромные деньги в Приморье, когда мы всегда можем перегонять корабли на Балтику и тут всё прекрасно ремонтировать!

В неоднократных донесениях Дубасов пытался обратить должное внимание Петербурга и на приготовления Японии к войне. «Страна деятельно и настойчиво готовится к ней и в виду этого мы, по моему убеждению, не можем связывать себе руки в действиях, которые прямо необходимы, чтобы не быть застигнутыми в беспомощном состоянии. Об этом я не могу и не должен умалчивать перед моим начальством прямо по долгу присяги». Правильность данной им оценки дальневосточного вопроса полностью подтвердилась последующими событиями, вызвавшими неудачную для России войну с Японией.

В конце концов терпение у начальства лопнуло.

– Дубасов устал, и его пора менять! – резюмировал адмирал Авелан после очередного дубасовского послания. – Он прямо-таки хочет поссорить нас с японцами!

– Этого крикуна и паникёра давно пора приструнить! – согласился генерал-адмирал Алексей Александрович, больше известный в морских кругах под прозвищем Семь пудов августейшего мяса.

Император, как это обычно за ним водилось, повздыхал:

– Конечно, Фёдор Васильевич – герой турецкой войны. Но уж больно неуживчив стал. Подавай ему войну, и всё тут! А где мы ему войн понаберём?

Посмеялись. Николай рапорт генерал-адмирала об отзыве

Дубасова в Петербург подписал.

В двадцатых числах июля 1899 года, когда командующий готовил эскадру к новому походу в Порт-Артур, во Владивосток прибыл вице-адмирал Гильтебрандт. Немного смущённый ситуацией, он передал Дубасову засургученный пакет.

– Всё ясно и без бумаг высочайших! – буркнул Дубасов, печати срывая. – Ну вот, значит, и отплавался я! Принимайте дела! И поздравляю вас с назначением!

В последний день июля Дубасов спустил свой флаг на своём любимом «Рюрике», на катере обошёл эскадру, прощаясь с командами и кораблями. Через несколько часов паровоз уже уносил его от берегов Тихого океана, уносил навсегда. Горькую пилюлю отстранения от службы Дубасову подсластили вице-адмиральским чином и должностью начальника технического морского комитета.

Справедливости ради следует сказать, что Гильтебрандт, едва приняв командование эскадрой и войдя в курс дела, также стал требовать приобретения порта на юге Кореи и также не нашёл никакой поддержки. Проблема незамерзающей русской военно-морской базы на Тихом океане, пусть крайне неудачно, была решена.

Начало войны с Японией и бандитское нападение на Порт-Артур, закончившееся торпедированием нескольких наших кораблей, Дубасов воспринял как неизбежное зло. Тотчас поехал в министерство узнать: может, ему какую-нибудь должность на действующем флоте предложат?

– Я готов на любое место! – заявил он Авелану. – Могу эскадру, отряд кораблей принять, далее портом командовать. Опыта хватит!

– Успокойтесь, Фёдор Васильевич! Тут и так голова кругом идёт! – не очень вежливо оборвал его управляющий министерством. – Надо будет – позовём!

– А кто назначается командующим Тихоокеанской эскадрой? – поинтересовался Дубасов.

– Государь распорядился определить туда Макарова.

– Что ж, Степан Осипович кандидатура достойная, – заметил Дубасов.

Дубасов и Макаров были старыми друзьями и соперниками одновременно. Оба – герои турецкой войны, оба всё время шли и в чинах, и в должностях, как говорят, «ноздря в ноздрю». Конечно, Дубасову было где-то обидно, что не его, а Макарова определил государь к столь важной должности, но зла на Степана Осиповича Дубасов не держал, и на вокзал проводить его пришёл, и на прощанье обнял.

И Макарову, и Дубасову история отвела своё место. Оба остались в народной памяти, но, увы, по-разному. Вице-адмирал Макаров погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на мине. Судьба Дубасова сложилась иначе.

На дипломатическом поприще

С возвращением в Петербург для Дубасова наступил относительно спокойный отрезок его жизни. Должность председателя Морского комитета при всей её важности и хлопотливости всё же была куда более спокойна, чем должность командира отдельной эскадры. Теперь Дубасов мог наконец-то быть в кругу семьи, что для моряка всегда является синонимом настоящего счастья.

В это время в адмиральских кругах европейских государств кипели самые нешуточные страсти. Тон задавали французы. Французская «молодая школа» во главе с адмиралом Оба, отводившая миноносцам главенствующую роль в будущих морских войнах, приковала к себе внимание адмиралов многих стран. Но наиболее ревностные почитатели идей Оба нашлись в России. Принцип противопоставления маленьких и недорогих корабликов неприятельским броненосным эскадрам казался тогдашнему руководству Морского ведомства очень привлекательным. Тем более что Балтика с её многочисленными шхерами, островами и проливами действительно выглядела идеальным театром для применения миноносцев. Последовательными сторонниками «молодой школы» стали адмиралы Дубасов и Макаров, капитаны 1-го ранга Щенснович и Доможиров. В своей книге «Рассуждения по вопросам морской тактики» Макаров недвусмысленно намекал, что главным препятствием на пути превращения мин Уайтхеда в главнейшее наступательное оружие является пресловутая российская «экономия», запрещавшая стрелять торпедами с больших дистанций. Вместе с тем самодвижущаяся мина в 1890-е годы была всего лишь в три раза дороже, чем выстрел из 12-дюймового орудия. Поэтому, по словам Макарова, миноносцам надо, «не дожидаясь сближения на пистолетный выстрел, стрелять минами на всякие доступные им дистанции». Тогда эскадра вражеских броненосцев не сможет противостоять массированной атаке кораблей-москитов и будет разгромлена. Старый миноносник Дубасов полностью поддерживал своего коллегу. Адмиралы были искренне убеждены, что «величина судна не есть сила», и даже предлагали вообще отказаться от строительства больших броненосных кораблей.

Однако теоретические споры были вскоре оставлены до лучших времён. На Востоке сгущались тучи возможной войны, а в самой стране поднимали голову террористы всех мастей. В 1902 году в жизни адмирала и его семьи произошло событие, ставшее

зловещим прологом его собственной дальнейшей судьбы. 2 апреля произошло покушение на старшего брата жены Дубасова – министра иностранных дел Сипягина, с которым адмирал был в очень близких отношениях. Террорист-эсер Степан Балмашёв, одетый в мундир адъютанта Генерального штаба, пришёл в Мариинский дворец и, встретив министра на лестнице, вручил ему пакет с вынесенным ему смертным приговором, затем плюнул в лицо и только после этого выстрелил два раза из револьвера в упор. Спустя несколько часов Сипягин скончался.

Циничное убийство родственника и друга произвело на Дубасова тягостное впечатление. Когда же перед самыми похоронами убитого министра стало известно, что террористы собираются взорвать и саму похоронную процессию, чтобы уничтожить собиравшихся участвовать в ней обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева и генерал-губернатора Петербурга Клейгельса, Дубасов всё же принял в ней участие и демонстративно шёл рядом с обер-прокурором. Отметим, что от участия в похоронах брата не отказалась и супруга адмирала, хотя он её и отговаривал, ссылаясь на опасность мероприятия.

– Мы не должны дать себя запугать бандитам! – говорил Дубасов в те нелёгкие для него и его семьи дни. – Их террор только на это и рассчитан. Если эти разбойники только почувствуют наш испуг и неуверенность, то они разорвут Россию в клочья!

Как председатель Морского технического комитета Дубасов в то время много занимался кораблями, готовящимися к походу на Восток для усиления Порт-Артурской эскадры. Особенно много хлопот было с броненосцами типа «Бородино». Ещё при строительстве перегрузка этих кораблей превышала восемьсот тонн. Теперь же, заваленные доверху углём и другими припасами, броненосцы имели перегрузку в 1700 тонн каждый.

– Идти в поход, а тем более в бой с таким превышением водоизмещения – самоубийство! – делился мнением с сотрудниками только что вернувшийся из Ревеля Дубасов. – Главный броневой пояс полностью ушёл в воду, а метацентр снизился почти до восьмидесяти сантиметров!

Помощник председателя инженер Кутейников тут же делал на бумаге предварительные расчёты. Закончив, поднял голову:

– Верно, Фёдор Васильевич, столь чудовищная перегрузка гибельна. Броненосцы, лишённые брони, будут простреливаться насквозь и переворачиваться при самых незначительных кренах. Что только думает об этом Рожественский?

– Вины Зиновия в том нет, – мрачно отвечал вице-адмирал. – Он взял то, что ему дали. Истинная причина кроется в

поспешности строительства и незавершённости испытаний. Но об этом сегодня из высшего руководства и думать никто не будет, поэтому будем что-то решать сами, сколь хватит сил и времени.

Со свойственной ему энергией Дубасов принялся за дело. А буквально через несколько дней его вызвал к себе на ковёр управляющий морским министерством вице-адмирал Бирилёв.

– Ваши бумажки, порочащие наши новейшие броненосцы, вредны. Неужели вы, Фёдор Васильевич, не понимаете всего вреда, вами наносимого?

– Мне думается обратное, Алексей Алексеевич! Главное – создать условия для достижения победы, остальное неважно.

– Всё это красивые слова, – хмурил кустистые брови Бирилёв. – Ведь вы сами прекрасно понимаете, что существенно изменить мы уже ничего не успеем, а я не смогу докладывать государю, что выход эскадры необходимо задержать, потому что понизился какой-то ему не ведомый метацентр! Кроме того, расходуя в пути уголь, броненосцы со временем несколько подвсплывут. Ну а кроме всего этого, учитывая расклад политических сил, мне видится, что к моменту прихода Рожественского на Восток мы там уже решим все вопросы!

Через несколько недель, покинув ревельский рейд, Вторая Тихоокеанская эскадра перешла в Либаву, а затем взяла курс на далёкий Порт-Артур. С огромным трудом Дубасову всё же удалось уговорить Бирилёва дать циркулярное предупреждение Рожественскому о недопустимости приёмки на броненосцы типа «Бородино» новых грузов выше ватерлинии.

– Разумеется, это что слону дробина, – вздыхал вице-адмирал. – Но уж лучше, чем совсем ничего. Будем молиться, чтобы там всё обошлось!

Уже вовсю гремели бои под Порт-Артуром, из Либавы вышла и держала путь к берегам дальневосточных морей Вторая Тихоокеанская эскадра вице-адмирала Рожественского, когда внезапно Дубасов был вызван лично к императору в Царское Село. О причинах столь внезапного вызова Фёдор Васильевич мог только гадать.

Николай выглядел каким-то помятым. Встав из-за стола, он вышел навстречу адмиралу, протянул руку.

– Вчера ночью в Северном море произошла досадная неприятность, – сказал он, усаживаясь в кресло. – Корабли Рожественского подверглись внезапному нападению каких-то таинственных миноносцев. Ответным огнём Рожественский, похоже, утопил несколько рыбачьих лайб. Поднимается большой международный скандал. Вас я назначаю экспертом от нашей стороны. Надеюсь, Фёдор Васильевич, вы сделаете всё возможное,

чтобы загладить это недоразумение, могущее помешать переброске эскадры Рожественского на Восток!

– Сделаю всё возможное, ваше величество! – отвечал адмирал.

Вторая Тихоокеанская эскадра, отправленная под командой вице-адмирала Рожественского, из Балтийского моря на Дальний Восток против Японии, в ночь на 22 октября 1904 года встретила на Доггерской мели близ города Гулля (в Немецком море) английскую рыбачью флотилию и подвергла её бомбардировке. Одно английское судно было потоплено, несколько, человек убито. 5 снарядов с броненосца «Князь Суворов» попали в русский же крейсер «Аврору», убили на нём священника и ранили одного офицера. Причина бомбардировки, по объяснению вице-адмирала Рожественского и русских моряков, состояла в том, что среди английских рыбачьих судов они явственно видели два японских миноносца, по которым они и стреляли и один из которых потопили. Английские моряки, напротив, утверждали, что среди них не было и не могло быть миноносцев. Инцидент вызвал сильнейшее волнение в Англии.

Тайна событий у Доггербанки до конца не раскрыта и до сегодняшнего дня. В версиях недостатка нет, как нет и единого мнения, что же тогда случилось с русскими кораблями.

В общих чертах события развивались так. Личный состав эскадры был постоянно ориентирован потоком информации на происки японцев. В ночь на 9 октября 1904 года в условиях плохой видимости и дождя в районе Доггербанки в Северном море, где всегда полно рыбачьих судов, промышляющих треску, подверглась минной атаке плавмастерская «Камчатка». Затем атакующих миноносцев заметили ещё с нескольких российских кораблей и открыли огонь. При стрельбе потопили несколько рыбачьих судов, среди которых прятались таинственные миноносцы, и поразили свою «Аврору». Англичане подняли вокруг случившегося страшный шум, грозя международным скандалом.

Эта господствующая до сих пор версия «гулльского инцидента» нашла широкое распространение и толкование в трудах большинства известных западноевропейских, американских и отечественных историков. Однако ряд специалистов придерживается другой версии, считая, что инцидент в Северном море мог быть специально спровоцирован Англией, которая у Доггербанки под прикрытием рыбачьей флотилии попыталась произвести несколькими своими миноносцами, проданными Японии, провокационный налёт на проходившую русскую эскадру. Цель этой провокации могла быть

одна: задержать русскую эскадру в испанском порту Виго, а затем вернуть её обратно в Кронштадт.

Лондон немедленно объявил о мобилизации своего флота, а эскадра метрополии в спешном порядке перешла в Гибралтар, чтобы оттуда в случае чего сподручней было атаковать корабли Рожественского. Неистовствовали газеты, называя идущие на Восток корабли не иначе как «эскадрой бешеной собаки». В своих требованиях, подкреплённых угрозой войны, Англия в ультимативной форме предписывала России удалить как виновников инцидента весь высший офицерский состав эскадры вместе с командующим вице-адмиралом Рожественским. Одновременно по британскому Адмиралтейству был отдан приказ послать все броненосные крейсеры и эскадренные миноносцы английской Средиземноморской эскадры навстречу русскому флоту и в случае необходимости вооружённой силой преградить ему путь. В телеграмме английского Адмиралтейства от 27 октября 1904 года было отдано чёткое распоряжение командующему английской эскадрой: «…Чтобы вы задержали Балтийскую эскадру убеждением, если это окажется возможным, силой, если это станет неизбежным». В ответ на этот приказ командующий эскадрой лорд Бересфорд запросил Адмиралтейство: «Потопить их или привести в Портсмут?»

Война могла разразиться каждую минуту. Подобная реакция Англии и позволила ряду историков считать, что инцидент в Северном море мог быть спровоцирован «владычицей морей» с целью оказать услугу Японии. Тем более что ещё в январе 1904 года японский посол в Лондоне барон Таями просил у лорда Ленсдоуна не допускать прохода русских кораблей на соединение с Тихоокеанским флотом. Ленсдоун дал требуемое обещание, подтверждённое затем и английским правительством. Провокационный инцидент у Доггербанки мог быть хорошим предлогом для последующего выдвижения России перечня требований, полностью удовлетворяющих просьбу Японии. Отойти впоследствии от своих ультимативных требований Англию, по-видимому, заставило пугающее её быстро растущее русско-германское сближение, и она, вдруг переменив тон, согласилась на передачу дела в специальный международный трибунал, что и было оформлено англо-русской декларацией от 25 ноября 1904 года.

Россия предложила уладить инцидент цивилизованно и собрать международную следственную комиссию, взяв за основу её деятельности принципы Гаагской конференции. Англия приняла предложение.

В силу соглашения между обоими правительствами комиссия

должна была произвести расследование и представить доклад об обстоятельствах происшествия, в особенности по вопросу о степени ответственности и порицании, которому должны подвергнуться подданные обеих сторон, подписавших соглашение, или какой-нибудь другой страны, на тот случай, если ответственность будет установлена следствием. Членами следственной комиссии были представитель России адмирал Дубасов и Англии – адмирал Бьюмонт. Россия пригласила в комиссию Францию, которая назначила адмирала Фурнье, Англия – США, представителем которых был адмирал Дэвис. Председателем был избран Фурнье. 22 декабря 1904 года комиссия собралась в Париже и выбрала 5-м членом австрийского адмирала Шпауна. Заседания комиссии продолжались с 9 января по 25 февраля 1905 года.

Адмиралу пришлось нелегко, но Дубасов был калач тёртый, да и дипломатическую школу на Дальнем Востоке тоже прошёл неплохую.

– То, что совершили русские моряки, иначе как пиратством не назовёшь! – начали обсуждение адмиралы европейских держав.

– Почему же? – невозмутимо парировал Дубасов, – История знает примеры недоразумений и почище.

– Например? – откинулся в кресле адмирал Бьюмонт.

– Пожалуйста. – Дубасов разгладил свою окладистую бороду. – В одна тысяча девятисотом году во время Боксёрского восстания в Китае английские моряки убили нескольких русских матросов, хотя мы были союзниками.

Англичанин потускнел:

– Это произошло по ошибке, и мы тут же принесли свои извинения.

– За инцидент у Доггербанки мы тоже принесли свои извинения, а семьям погибших моряков наше правительство выплатило шестьдесят пять тысяч фунтов стерлингов. И это при том, что британское правительство семьям наших матросов не выделило ни копейки.

В конце концов всё упёрлось в неизвестный миноносец, который оставался на месте инцидента в течение всей ночи, но так и не оказал помощи погибающим английским рыбакам.

– Где же ваше человеколюбие? – снова стали напирать на Дубасова адмиралы-эксперты. При этом почему-то больше других горячился австриец, желая, наверное, показать, что и он тоже в морских делах кое-что понимает.

– По моим данным, «неизвестный миноносец» как раз и был одним из тех, кто атаковал ночью наши корабли! – парировал российский адмирал.

– У нас сведения иные! – покачал головой англичанин, закуривая сигарету.

– Кто-то из нас ошибается! – ухмыльнулся Дубасов. – Но дело в том, что в ночь нападения все русские миноносцы уже находились во французском порту Брест, так как шли впереди эскадры. Об этом хорошо известно французским властям.

Представитель Франции тут же полистал бумаги и утвердительно закивал головой:

– Да, мы подтверждаем этот факт!

– Но рыбаки могли принять за миноносец вашу плавмастерскую?

– пытался спасти положение англичанин.

– Я думаю, что даже австрийские рыбаки никогда бы не спутали огромную плавмастерскую с 250-тонным миноносцем Что же тогда говорить об английских моряках? – ответил Дубасов.

Следственная комиссия зашла в тупик: адмиралы не знали, что делать дальше. Было совершенно очевидно, что российская сторона в происшедшем не виновата, а за инцидентом кроются какие-то тёмные политические игры, в которые экспертов не посвящали. Англичанин пытался, правда, ещё сохранить лицо и поднял вопрос о том, что для доказательства невиновности Рожественского необходимо найти хотя бы один из неизвестных миноносцев или хотя бы выловить торпеду. Но на этот раз против упрямого британца выступили французский и австрийский адмиралы.

– Найти миноноску в Европе то же самое, что иголку в стоге сена!

– одёрнул своего коллегу француз.

– А мина Уайтхеда имеет клапан самозатопления, который срабатывает по прохождении определённой дистанции! – заявил австриец и ядовито добавил: – Странно, что британские моряки об этом не знают!

В итоговом докладе комиссии международные комиссары признали «приятным долгом единодушно заявить, что адмирал Рожественский лично сделал всё, что было возможно, с начала до конца, чтобы воспрепятствовать стрельбе в рыболовов, узнанных как таковых». В заключительном же абзаце документа было сказано, что все проведённые экспертной комиссией разбирательства «не бросают никакой тени на военные способности или на чувства».

Выяснив фактическую обстановку Гулльского инцидента, комиссия сочла свою обязанность исполненной. Остальное, т. е. соглашение Великобритании с Россией относительно размера вознаграждения жертвам катастрофы, было совершено

дипломатическим путём.

Работа международной следственной комиссии и поведение на ней представителей Англии и России произвела на непосвящённых весьма странное впечатление. «Вина» России была вроде бы установлена, а это прежде всего и было нужно следственной комиссии, в которой первую скрипку играла Англия. Однако при этом все члены трибунала – четыре адмирала, – категорически отрицая факт присутствия миноносцев близ Доггербанки, также категорически единодушно не подтвердили виновность адмирала Рожественского и офицеров эскадры. С каждым днём заседания трибунала англичане становились всё более сговорчивыми, и дело практически «закончилось ничем», если не считать денежного штрафа в 65000 фунтов стерлингов, который и был выплачен Россией за убытки, причинённые инцидентом. Поиск истины принесли в жертву соображениям политики.

По мнению В. Теплова, автора вышедшей в 1905 году в свет книги «Происшествие в Северном море», русская делегация располагала неопровержимыми доказательствами о закупке японцами английских миноносцев, сведениями об их командах и планах нападения на эскадру, но не могла предъявить на суде ни одного убедительного довода о присутствии у Доггербанки японских кораблей.

Представитель России адмирал Фёдор Дубасов с досадой доносил в Петербург «…В присутствии миноносцев я сам, в конце концов, потерял всякую веру, и отстаивать эту версию при таких условиях было бы, разумеется, невозможным». К числу «таких условий» следует отнести и полную невозможность каким-либо образом использовать агентурные данные Гартинга в качестве доказательств и аргументов русской стороны при судебном разбирательстве инцидента. Русская делегация предполагала вызвать в качестве свидетелей команду шхуны «Эллен», завербованную Гартингом и, по его донесению, якобы видевшую в море японские миноносцы. Однако в ответ на телеграмму Дубасова о вызове в суд указанных свидетелей директор Департамента полиции А. А. Лопухин прислал 26 октября 1904 года начальнику Главного морского штаба письмо следующего содержания: «Ввиду сохранения тайны организованной в датских водах охраны, мною было предложено Гартингу исключить из неё шхуну „Эллен“ вовсе, обеспечив всеми средствами об умолчании при допросе о существовании охранной организации. Ныне Гартинг телеграфирует, что в случае необходимости подвергнуть допросу экипаж названной шхуны не представляется возможным обеспечить умолчание о существовании организации русского

правительства».

На этом в Гулльском инциденте была, собственно говоря, и поставлена точка. Почти безнадёжное дело было блестяще выиграно. Сам Дубасов был доволен исходом дела несказанно:

– Какую-никакую, но помощь нашему флоту я всё же оказал!

– Дубасов предотвратил возможное военное столкновение с Англией и спас честь России! – так охарактеризовал результаты адмиральского труда император.

По завершении работы экспертной комиссии все государства сделали вид, что ничего существенного не произошло, и постарались поскорее забыть о случившемся. У каждой стороны на то были свои веские причины.

Наградой за дипломатическое мужество Дубасову стало производство в генерал-адъютанты – высшая милость императора. Но, как оказалось в самое короткое время, большие милости требуют столь же большой преданности престолу.

А затем был ужас и позор Цусимы. Российский флот был практически уничтожен. Его надо было срочно возрождать.

При этом, при обсуждении вопроса о заключении мира с Японией, адмирал выступил за продолжение войны, считая, что по своим ресурсам Япония не в состоянии выдержать продолжительной войны с Россией.

– Да, флот мы потеряли, но армия не только не утратила боеспособность, а наоборот, сильна как никогда! Надо только действовать решительно и смело. Японцы уже на издохе. Одна-две победы – и они не выдержат!

– А как же противодействовать японскому флоту? – ехидно спрашивали его.

– Так же, как мы противодействовали турецкому на Чёрном море! – отвечал им Дубасов. – Миноносок и мин у нас в достатке, а отважных лейтенантов и мичманов тоже не занимать! Если потребуется, я сам готов возглавить минные флотилии на Дальнем Востоке. Опыт у меня имеется, могу ещё стариной тряхнуть!

От адмирала лишь отмахнулись:

– Куда нам японца нынче одолеть, надо искать мира!

– Не мира, а мирной передышки! – оставил за собой последнее слово Дубасов. – Мы должны извлечь уроки из происшедшего и полностью реформировать армию и флот. И делать это следует незамедлительно!

Из воспоминаний Витте:

> «Адмирал Дубасов мне рассказывал, что как-то Государь его вызвал и предлагал ему занять пост

управляющего морским министерством. Адмирал Дубасов от этого назначения уклонился, ссылаясь, между прочим, на своё здоровье, но главное основание его отказа, как мне объяснил Дубасов, заключалось в том, что при существовавших условиях он считал невозможным исправить наше морское ведомство. Невозможность эта, по его мнению, заключалась в следующем: 1) в крайней дезорганизации морского ведомства, в особенности после всех наших поражений во время Японской войны, после Цусимы, а затем 2) вследствие естественного недоверия ко всему, что касалось морского ведомства, со стороны Государственной думы и Государственного совета и, наконец, 3) вследствие невозможности, по мнению Дубасова, мнению, которое разделяю и я, вести дело при том влиянии, которое имел Великий Князь Николай Николаевич как председатель Комитета Государственной Обороны.

Дубасов – человек очень твёрдого и решительного характера.

Он не орёл, – для того чтобы что-нибудь усвоить, ему требуется довольно много времени, но раз он усвоил, сообразил, – тогда он крайне твёрд в своих решениях. Вообще, Дубасов человек в высшей степени порядочный и представляет собою тип военного. При таких его свойствах, свойствах самостоятельности и уважения к самому себе, Дубасов, конечно, не мог ладить с председателем Комитета Государственной Обороны Великим Князем Николаем Николаевичем, про которого, если бы он не был Великий Князь, говорили бы, что он „с зайчиком“ в голове.

Когда Дубасов отказался от поста морского министра, то Государь Император сказал:

– Как вы думаете? Я полагаю назначить на пост морского министра – раз вы от этого поста отказываетесь – адмирала Алексеева.

Когда Дубасов не мог не выказать своего ужаса и сказал Государю, что, по его мнению, после всего того, что произошло на Дальнем Востоке, и той постыдной роли, которую во всём этом деле играл Алексеев, назначить его морским министром – это прямо сделать вызов обществу, Его Величеству благоугодно было заметить, что многие нарекания на Алексеева совершенно неосновательны, неправильны, так как не

знают о том, какие Алексеев имел инструкции от него.

Дубасов ответил на это Его Величеству, что если даже оставить в стороне эту часть, то во всяком случае он настолько знает Алексеева как адмирала, что вне зависимости от его деятельности на Дальнем Востоке, он должен сказать, что Алексеев как морской министр, который должен иметь задачу – восстановить русский флот, – немыслим.

В самом деле, Алексеев первым, в свою бытность начальником в Порт-Артуре, стал формировать, прежде всего из флотских офицеров, свой личный „клан“ – на основе личной к себе привязанности – если судить на основе имеющихся данных о продвижении личного состава флота по службе, опередив безобразовцев: поэтому-то те решили присоединить его к себе, а не просто убрать за ненадобностью.

Может быть, этот разговор Государя с Дубасовым повлиял на Его Величество, и, не имея никого, он назначил морским министром Воеводского».

Последняя награда

Россию уже колотило в лихорадке первой революции. Каждый день приносил всё более страшные вести. В осенние дни Дубасова вызвали во дворец Николай был хмур и краток:

– Вы мой генерал-адъютант, Фёдор Васильевич, и я вправе рассчитывать на вашу помощь в столь смутное для империи время!

– Всегда готов послужить Отечеству, – отвечал адмирал.

– Тогда выезжайте в Малороссию, там надо навести порядок!

Так осенью 1905 года Дубасов был направлен на подавление аграрных беспорядков в Черниговской, Курской и Полтавской губерниях. Вскоре вице-адмирал уже был на месте. Императору Дубасов сообщал, что аграрные беспорядки в Суражском, Черниговском и Городнянском уездах Черниговской губернии начались с антисемитских выступлений, ибо, как писал Дубасов, «антисемитское движение имеет в русском народе глубокие корни. В большинстве имений Суражского уезда находились евреи, служившие арендаторами, управляющими, приказчиками, мельниками и т. д., а отношение их к крестьянам было суровое».

Дубасов действовал решительно. Для подавления погромов он применил войска, и в результате принятых им мер было убито – в том числе и крестьянским самосудом – до 50 погромщиков.

Не ограничиваясь этим, Дубасов настоятельно просил министра внутренних дел усилить состав окружных судов, выступал на крестьянских сходах и перед еврейскими общинами, прося их помогать администрации, а в случае продолжения беспорядков «вернуться с войсками и стереть с лица земли мятежные селения».

– Достигнутое успокоение есть только затишье! – докладывал вице-адмирал в столицу. – С наступлением весны беспорядки могут возобновиться.

Действуя и силой, и уговорами, он усмирил Черниговскую губернию. Затем перешёл в Курскую. Там он распространил объявление, в котором говорилось: «Если сельские общества или хотя немногие из их членов позволят себе произвести беспорядки, то все жилища такого общества и всё его имущество будут по приказу моему уничтожены».

Из воспоминаний графа Витте:

> «Дубасов действовал в Черниговской и Курской губерниях с кучкой войск весьма энергично и не вызвал нареканий ни с чьей стороны. Хотя крестьянские

волнения на него, видимо, произвели сильное впечатление, так как в бытность его на несколько дней во время этой командировки в Петербурге, он мне убеждённо советовал провести закон до созыва Государственной Думы, по которому те земли, которые крестьяне насильно захватили, остались бы за ними, и на моё возражение против такой меры он мне говорил: „Этим крестьян успокоите и помещикам будет лучше, так как в противном случае они, крестьяне, отберут всю землю от частных владельцев“. Я привожу этот факт как иллюстрацию того настроения, которое тогда торжествовало в самых консервативных сферах. Никто Дубасова не заподозрит ни в физической, ни в моральной трусости. Если он предлагал такую крайнюю и несвоевременную меру, то потому, что был убеждён в её целесообразности и неизбежности… Дубасов, конечно, себя отлично держал в Черниговской и Курской губерниях, где крестьянские беспорядки достигли едва ли не наибольших пределов. Он всюду появлялся сам с горстью войск, справлялся с бунтующим крестьянством, отрезвлял их и достиг почти полного успокоения».

Затем Дубасов неожиданно для него был снова отозван в Петербург. Причина вызова была в том, что премьер-министр Витте рекомендовал вице-адмирала на должность московского губернатора В Москве вот-вот должен был начаться бунт, и нужно было спасать положение.

Едва прибыв, он был тут же принят императором. Николай был бледен и лаконичен:

– Вам надлежит немедля принять должность генерал-губернатора Москвы!

– ?!!

– Я надеюсь только на вас!

К этому времени в Москве обстановка накалилась до предела. Премьер-министр Витте докладывал царю: «В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора…»

На докладе Витте Николай II начертал:

«Сегодня я назначил генерала Пантелеева генерал-адъютантом с поручением отправиться в командировку вместо Дубасова. Последнему следовало бы немедля приехать в Москву…»

Предшественник Дубасова генерал-адъютант Дурново был снят за неспособностью навести порядок в первопрестольной. Николай II был так зол на него, что запретил даже вешать портрет Дурново в знаменитой галерее московских губернаторов.

На душе Дубасова было безрадостно. К трагедии Порт-Артура и Цусимы добавилась и личная. От рук террористов погиб старший брат жены, министр внутренних дел России Сипягин, давний друг адмирала. И вот теперь это назначение в такую лихую пору! Запираясь один в кабинете, адмирал мог часами сидеть неподвижно. Что думалось ему тогда? Вспоминались ли лихие дунайские атаки, проигранная борьба за Мозампо или явственно виделись тонущие цусимские броненосцы? Кто знает!

Адъютантом к Дубасову попросился лейтенант Коновницын, потомок славного генерала восемьсот двенадцатого года. Сам Коновницын прошёл Порт-Артур и, отлежав после тяжёлого ранения в госпитале, решил идти к адмиралу.

– Ну что ж, – резюмировал Дубасов. – По крайней мере, один надёжный человек у меня уже есть.

Дубасов отправился в Москву. Он застал город в состоянии, близком к взрыву: 5 декабря в училище Фидлера прошла Общемосковская конференция большевиков, принявшая решение о немедленном начале всеобщей политической стачки и её скорейшем переходе в вооружённое восстание. В работе конференции участвовали также большевики из разных городов Московской губернии, из частей Московского гарнизона, а также из Твери и Тулы. Правой рукой большевиков был созданный накануне Московский Совет рабочих депутатов, родившийся за месяц до описываемых событий.

В 1905 году Московский Совет рабочих депутатов собирался пять раз, после чего он был разогнан войсками и полицией. Руководство Совета находилось в руках большевиков, а партийная принадлежность его депутатов была крайне узкой – кроме большевиков, там работали лишь меньшевики и эсеры. Никаких партий Центра в Совете представлено не было.

Чем только не приходилось заниматься генерал-губернатору: бракоразводными делами и уборкой улиц, театральной цензурой и трактирными драками. Однако с каждым днём всё больше становилось дел иных, ранее неслыханных: «По поводу пения „Марсельезы“ вместо тропаря „Христос воскресе“ во время крестного хода в деревне Ходлевой Подольского уезда…» Подняли голову и националисты разных мастей.

Членам Городской думы Дубасов объявил:

– Война продолжается. Нанеся нам поражение на фронте внешнем, неприятель стремится теперь взорвать нас изнутри. Но

этому не бывать!

Да, революционеров адмирал откровенно ненавидел, как может ненавидеть боевой офицер своего врага, готового в любой момент ударить в спину.

2 декабря в первом номере газеты «Вперёд» Совет опубликовал воззвание ко всем трудящимся бороться против самодержавия. Логическим продолжением этого призыва стало его решение от 6 декабря, когда пленум Совета поддержал инициативу Общемосковской конференции большевиков объявить с 12 часов дня 7 декабря всеобщую политическую стачку и перевести её в вооружённое восстание.

7 декабря началась массовая политическая забастовка, в которой участвовало более 100 тысяч человек. 8 декабря полиция разогнала многотысячный митинг забастовщиков, проходивший в саду «Аквариум». И в этот же день войска обстреляли здание училища Фидлера, где собрались дружинники – большей частью эсеры.

Эти события послужили прелюдией к вооружённому восстанию, которое уже готовилось большевиками, сделавшими Московский Совет легальным органом руководства восстанием.

В бой во многих районах Москвы вступили две тысячи дружинников, поддержанных в ходе борьбы ещё шестью тысячами вооружённых повстанцев. Восставшие захватили все вокзалы Москвы, кроме Николаевского. Особенно упорные бои шли на Пресне, в Замоскворечье, в Рогожско-Симоновском районе и вдоль Казанской железной дороги.

В помощь полиции и жандармерии из 13-тысячного Московского гарнизона на подавление восстания было брошено две тысячи солдат и офицеров, ибо остальные не были достаточно благонадёжны. Необходимо было подкрепление, и Дубасов запросил у царя помощи и объявил Москву и губернию на положении чрезвычайной охраны. Но войск не хватало, и он начал щедро субсидировать черносотенцев.

Из воспоминаний графа Витте:

> «Просьба Дубасова была исполнена. Через самое короткое время по приезде Дубасова в Москву, он меня вызвал по телефону и сказал, что хотя он и доверяет вполне здешним войскам и военному командованию (потом при свидании со мной, он сказал, что, приехавши в Москву, он убедился, что на войска и командование положиться нельзя, но, чтобы не компрометировать военную власть, он сказал иное), но что войска там мало, что он настоятельно требует усиления воинской силы из

Петербурга и просил моего настоятельного содействия. Я обратился по телефону к военному министру, который мне ответил, что выслал полк из Царства Польского и что он через три дня будет в Москве… Но ещё до прибытия этой части в Москву Дубасов опять меня вызвал по телефону и просил настоятельно содействия, чтобы были немедленно высланы войска из Петербурга… Между тем главнокомандующий великий князь Николай Николаевич не желал посылать войск из Петербурга, тоже боясь восстания».

Из хроники московских газет тех дней:

«7 декабря. Сегодня в Москве осуществилась всеобщая политическая забастовка, объявленная накануне Советом рабочих депутатов… По всему городу разъезжают патрули. Толпы забастовщиков, собравшихся на Тверской площади, на Страстной площади, на стоянке и у Каменного моста и пытавшихся при пении революционных песен закрывать магазины, были беспощадно рассеиваемы и разгоняемы драгунами и казаками, которые действовали нагайками».

«8 декабря. В течение дня на улицах обычное, даже более усиленное движение, потому что все свободны от всяких занятий. Но как только стемнеет, почти никого не видно. Тверская, лишённая электрического освещения, погружается в глубокий мрак. Газовый завод ещё поддерживает свою деятельность, но ждут, что он завтра забастует, так как рабочие совершенно не желают проникнуться сознанием, что с остановкой газового завода хотя бы на несколько дней он сделается непродуктивным до весны и рабочие лишатся на несколько месяцев всякой работы… Все главные торговые артерии – Тверская, Кузнецкий Мост, Верхние ряды, пассажи, Мясницкая и Сретенка – прекратили сегодня жизнь уже с утра, потому что по улицам разгуливала толпа человек в 300, принуждавшая закрывать магазины. Некоторые закрывали свои торговые заведения и потом открывали их снова, но опять являлась толпа и опять заставляла закрывать. Один торговец на Тверской, фруктовщик Василий Кузьмин, не пожелал закрытия и хотел прогнать явившегося закрывателя. Тот выхватил револьвер, сделал два выстрела, которыми нанёс Кузьмину раны в затылок

и ухо, и убежал на глазах растерявшейся толпы и ещё более растерявшегося городового».

«9 декабря. На Страстной площади боевая дружина рабочих, избив городового, стала стрелять в драгун. Драгуны спешились и дали залп. В результате ранено восемь рабочих и двое драгун. Около 8 часов вечера забастовщики устроили на Страстной площади и на Старо-Триумфальной площади баррикады из проволоки, сорванной со столбов электрического трамвая, тротуары они загородили вывесками, снятыми с магазинов. Цель заграждения – не пропускать кавалерию. Немедленно были вызваны казаки и пехота, которые, дав холостые залпы, разогнали толпу и сняли заграждения».

«10 декабря. Сегодня революционное движение сосредоточивается главным образом на Тверской улице между Страстной площадью и Старыми Триумфальными воротами. Тут раздаются выстрелы орудий и пулемётов. Сосредоточились революционеры здесь ещё в полночь, когда войска обложили дом Фиблера и захватили здесь всю боевую дружину… План революционеров заключался в том, чтобы сегодня захватить Николаевский вокзал и взять в свои руки сообщение с Петербургом, а затем боевая дружина должна была идти из дома Фиблера, чтобы завладеть зданием Думы и Государственным банком и объявить Временное правительство».

«11 декабря. В течение сегодняшнего дня борьба шла на многих улицах. Войска везде одолевали. Общее число раненых, вероятно, более тысячи человек».

В тот же день 11 декабря Дубасов в очередной раз потребовал подкрепление из Петербурга. «Положение становится очень серьёзным, – телеграфировал генерал-губернатор, – кольцо баррикад охватывает город всё теснее; войска для противодействия становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты».

Декабрьские события в Москве записаны в «Дневнике» Николая II более чем кратко: «11 декабря. Вторник. Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами. Потери последних большие, но не могли быть точно выяснены». И 13 декабря: «В Москве после крупных

столкновений начались мелкие стычки и внезапные нападения на войска. Потери всё ещё не выяснены».

Не дожидаясь подкреплений, Дубасов приказал установить орудия у Страстного монастыря и на Сухаревской башне, откуда можно было обстреливать баррикады на Садовом кольце и на Арбате.

На помощь восставшим двинулись дружинники из других губерний, на помощь Дубасову прибыл из Петербурга Семёновский полк.

Командиру прибывших из Петербурга семёновцев генералу Мину прямо на вокзале заявил:

– Я моряк, и из всех видов боя знаю лишь один – артиллерийский.

Именно по его команде выкатывали осатаневшие солдаты на прямую наводку свои трёхдюймовки и били по залитым кровью баррикадам. В те дни его видели повсюду. Адмирал сам руководил сражением. Рядом в коляске верный Коновницын, следом – полусотня конных казаков.

Из московских газет тех дней:

> «14 декабря. Революционеры выпустили сегодня воззвания и расклеили их на улицах. В одном даётся совет рабочим и дружинникам не скрываться за баррикадами, которые не представляют надёжной защиты против орудийной стрельбы, а прятаться в домах и в подворотнях и оттуда вести партизанскую войну».

> «15 декабря. Революционеры, ворвавшиеся в квартиру начальника сыскной полиции Войлочникова, вытащили его на двор и, несмотря на мольбу детей, расстреляли».

16 декабря наступил долгожданный перелом: из Варшавы прибыл Ладожский полк, а утром 17 декабря начался решительный штурм Пресни. Семёновцы наступали со стороны Малой Грузинской, а артиллерия вела огонь по улицам и фабрикам Пресни.

В дни боёв на Красной Пресне Дубасов чувствовал себя как на командирском мостике. Был собран, расчётлив и беспощаден.

– Патронов не жалеть! – таков был его знаменитый приказ карательным частям.

Только после того как Пресня запылала со всех сторон, дружинники стали покидать позиции. Делали это они так умело, что почти никто из них не попал в руки карателей.

Градоначальник Медем в телеграмме Николаю II должен был

признаться: «Мятеж кончается волею мятежников, а к истреблению последних упущен случай».

Подавив восстание, Дубасов 22 декабря писал царю: «Отступая, мятежники, с одной стороны, постарались и успели быстро удалить за пределы досягаемости избранных главарей, с другой – они оставили на театре действия, хотя и рассеянных, но самых непримиримых и озлобленных бойцов, которые, заранее обрекая себя на жертву преступной борьбы, видимо, решились продолжать её, хотя бы и одиночными силами, до последней крайности… Я не могу признать мятежное движение совершенно подавленным. Главные руководители его, почувствовав близость поражения, рассеялись и бежали, унося нити заговора и намерение продолжать своё преступное дело». Дубасовское выражение «за пределы досягаемости» стало впоследствии крылатым.

Главари скрылись, но рядовые дружинники стали жертвами военно-полевых судов, по приговорам которых было расстреляно более тысячи человек.

Празднуя победу на встрече Нового, 1906 года, московский городской голова Тучков поднял за генерал-губернатора Дубасова такой тост: «От имени всех нас могу сказать Вам, что в нашем содействии Вы не должны сомневаться. Всякий из нас готов положить за это дело всё своё разумение, все свои силы. Но вместе с тем велико и то значение, которое выпало на Вашу долю в данном деле как нашего руководителя».

Накануне Нового года по приказу Дубасова были открыты все театры Москвы, чтобы продемонстрировать, что город полностью вернулся к нормальной, спокойной, совершенно упорядоченной жизни.

Однако спокойствия не было даже несколько месяцев спустя после подавления восстания на Пресне. В начале 1906 года Центральный комитет партии эсеров наметил две главные жертвы – Петра Дурново, министра внутренних дел, и вице-адмирала Дубасова. Чтобы политический эффект от их убийств был более сильным, оба теракта должны были произойти перед самым открытием заседания 1-й Думы. Генерал-губернатора решили убить первым, и примерно в это же время в Москве распространилась эсерами весьма пошлая шутка: «Молодчина Дубасов, в такую тяжёлую минуту не потерял головы». – «О, не беспокойтесь, он её ещё потеряет».

По решению ЦК партии эсеров руководили им в силу особой важности сразу и Савинков, и Азеф. Бросать бомбу в адмирала должен был эсер Борис Вноровский.

Между тем в губернаторскую канцелярию приходили

предостерегающие анонимные письма.

> «…Молю всемогущего Бога да сохранит он Ваше драгоценное здоровье на многие лета. Вместе с тем предостерегаю Вас об угрожающей опасности для Вашей жизни со стороны революционеров, преимущественно со стороны женского пола, т. н. курсисток – революционных психопаток. В Москве уже циркулируют слухи о том, что жребий выпал на одну из таковых негодяек, каковая должна сделать покушение на Вашу жизнь… Искренне преданный московский патриот».

В один из апрельских дней, проезжая по улице, Дубасов увидел ковыляющего ему навстречу отставного капитана 2-го ранга. В руках тот держал палочку и какой-то пакет.

– Кто таков? – повернулся к Коновницыну адмирал.

– Первый раз вижу! – пожал тот плечами.

– Может, из черноморцев, – сказал Дубасов и повернулся к казачьему есаулу. – Пропустите!

Моряки оставались его слабостью, и Дубасов не мог не выслушать соратника по морской стезе. Казаки расступились, проситель подошёл вплотную к коляске и внезапно швырнул свой увесистый пакет прямо под коляску.

– Хватайте его! – крикнул было Коновницын, судорожно выхватывая револьвер, но было поздно. Оглушительный взрыв разметал коляску и людей в разные стороны. Сам Дубасов, будучи отброшен на мостовую, зацепился саблей за коляску. Испуганные лошади рванули вперёд и протащили его с десяток метров по мостовой. Когда к адмиралу подбежали, он, отстранив помощь, сам поднялся. Как оказалось, Дубасов по невероятной случайности отделался лишь ранением ноги. Смертельно бледный, смотрел он, как бьётся на мостовой с окровавленной головой в агонии бомбист, как складывают на носилки то, что осталось от адъютанта Коновницына. Наконец адмирал пришёл в себя:

– Коляску!

Через несколько минут он уже хладнокровно давал распоряжения, был, как всегда, собран и спокоен.

Из воспоминаний Бориса Савинкова:

> «Под моим руководством устанавливалось наружное наблюдение в Москве за адмиралом Дубасовым (Борис и Владимир Вноровские, Шиллеров). Кроме того, Зензинов уехал в Севастополь, чтобы на месте выяснить возможность покушения на адмирала Чухнина,

усмирившего восстание на крейсере „Очаков“; Самойлов и Яковлев предназначались для покушения на генерала Мина и полковника Римана, офицеров лейб-гвардии Семёновского полка…

…С начала февраля установилось правильное наблюдение за Дубасовым Шиллеров и оба брата Вноровские купили лошадей и сани и… соперничали между собою на работе. Все трое мало нуждались в моих указаниях… Они зорко следили за Дубасовым. Дубасов, как когда-то Сергей Александрович, жил в генерал-губернаторском доме на Тверской, но выезжал реже великого князя, и выезды эти были нерегулярны. Наблюдение производилось обычно на Тверской площади и внизу, у Кремля. Вскоре удалось выяснить внешний вид поездок Дубасова; иногда он ездил с эскортом драгун, иногда, реже, в коляске, один со своим адъютантом. Этих сведений было, конечно, мало, и мы не решались ещё приступить к покушению.

… Шиллеров и оба брата Вноровские продолжали своё наблюдение. Они хорошо узнали Дубасова в лицо, отметили все особенности его выездов, но регулярности их отметить не могли. В самом конце февраля Дубасов уехал в Петербург, и мы решили попытаться устроить на него покушение на возвратном его пути, в Москве. Такие поездки совершались впоследствии Дубасовым неоднократно, и в марте мы сделали несколько безрезультатных попыток на улице, по дороге с вокзала в генерал-губернаторский дом…

… В Москве я, как раньше в деле великого князя Сергея, сделал попытку воспользоваться сведениями со стороны, из кругов, чуждых организации. Шиллеров познакомил меня со своей знакомой, гжёй Х. Гжа Х. имела непосредственные сношения с дворцом великой княгини Елизаветы. Во дворце этом она узнала из полицейского источника день и час возвращения Дубасова из Петербурга.

Эти сведения оказались неверными. Я не знаю, сознательно ли она была введена в заблуждение, или полицейский чин, сообщивший об этом, сам не знал в точности намерений Дубасова. Как бы то ни было, я ещё раз убедился, так осторожно следует относиться ко всем указаниям, не проверенным боевою организацией…

…Первые попытки покушений на Дубасова произошли 2 и 3 марта. В них участвовали Борис

Вноровский и Шиллеров: первый – простолюдином, второй – извозчиком на козлах. Дубасов уехал в Петербург, и они оба ждали его на обратном пути в Москве, по дороге с Николаевского вокзала в генерал-губернаторский дом, к приходу скорого и курьерского поездов. Вноровский занял Домниковскую улицу, Шиллеров – Каланчёвскую. В обоих случаях они не встретили Дубасова. Вторая серия покушений относится к концу марта. В них принимал участие также и Владимир Вноровский. 24, 25 и 26 числа метальщики снова ждали возвращения Дубасова из Петербурга и снова не дождались его приезда. Опять были замкнуты Уланский переулок и Домниковская, Мясницкая, Каланчёвская и Большая Спасская улицы. Борис Вноровский давно продал лошадь и сани и жил в Москве под видом офицера Сумского драгунского полка…

…Я и до сих пор не могу вспомнить без удивления выносливости и самоотвержения, какие показали в эти дни покушений Шиллеров и в особенности Борис Вноровский. Последнему принадлежала наиболее трудная и ответственная роль; он становился на самые опасные места, именно на те, где по всем вероятиям должен был проехать Дубасов. Для него было бесповоротно решено, что именно он убьёт генерал-губернатора, и, конечно, у него не могло быть сомнения, что смерть Дубасова будет неизбежно и его смертью. Каждое утро 24, 25 и 26 марта он прощался со мною. Он брал тяжёлую шестифунтовую бомбу, завёрнутую в бумагу из-под конфет, и шёл своей лёгкой походкой к назначенному месту, – обычно на Домниковскую улицу. Часа через два он возвращался опять так же спокойно, как уходил…

…29 марта Рашель Лурье приняла личное участие в покушении: она сопровождала Бориса Вноровского на Николаевский вокзал. В этот день Дубасов должен был ехать из Москвы в Петербург. Но и на этот раз Дубасов избёг покушения.

В самом конце марта я съездил в Гельсингфорс к Азефу. Я хотел посоветоваться с ним о положении дел в Москве. Я повторил ему, что, по данным нашего наблюдения, Дубасов не имеет определённых выездов; что наши неоднократные попытки встретить его на пути с вокзала кончились неудачей; что все члены московской организации, однако, верят в успех и готовы принять все,

даже самые рискованные меры, для того, чтобы ускорить покушение; что, наконец, срок, назначенный центральным комитетом, – до созыва Государственной Думы, – близится к концу. Я предложил ему, поэтому, попытку убить Дубасова в тот день, когда он неизбежно должен выехать из своего долга, – в страстную субботу, день торжественного богослужения в Кремле. Я сказал, что мы имеем возможность замкнуть трое кремлёвских ворот: Никольские, Троицкие и Боровицкие, и спрашивал его, согласен ли он на такой план. Азеф одобрил моё решение. Я вернулся в Москву и встретил одобрение этому плану также со стороны всех членов организации. Мы стали готовиться к покушению. Борис Вноровский снял офицерскую форму и поселился по фальшивому паспорту в гостинице „Националь“ на Тверской.

23 апреля был царский день. Дубасов неизбежно должен был присутствовать на торжественном богослужении в Успенском соборе Кремля. План покушения, принятый сперва Азефом и мной в Гельсингфорсе, а затем непосредственными его участниками в Москве, состоял в следующем. Предполагалось замкнуть три главных пути из Кремля к генерал-губернаторскому дому. Борис Вноровский в форме лейтенанта флота должен был занять наиболее вероятную, по нашим соображениям, дорогу – Тверскую улицу от Никольских ворот до Тверской площади. Владимир Вноровский, одетый простолюдином, должен был находиться на углу Воздвиженки и Неглинной, чем замыкались Троицкие ворота. Шиллеров, тоже одетый простолюдином, замыкал Боровицкие ворота со стороны Знаменки. Таким образом, единственным открытым путём оставались Спасские ворота и объезд через Никольскую, Большую Дмитровку и Козьмодемьянский переулок к генерал-губернаторскому дому. Казалось, на этот раз успех был обеспечен вполне.

О том, как произошло покушение 23 апреля, я узнал впервые от Азефа, в Гельсингфорсе. Он рассказал мне следующее. Согласно плана, братья Вноровские и Шиллеров, каждый с бомбой в руках, заняли около 10 часов утра назначенные посты. Дубасов в открытой коляске, сопровождаемый своим адъютантом графом Коновницыным, выехал из Кремля через Боровицкие ворота и проехал по Знаменке мимо Шиллерова. Шиллеров случайно стоял спиной к нему и его не

заметил. Переулками и по Большой Никитской Дубасов затем выехал в Чернышёвский переулок. Он не остановился около ворот генерал-губернаторского дома, выходящих на переулок, а выехал на Тверскую площадь. Борис Вноровский был в это время случайно как раз на Тверской площади, хотя мог так же случайно находиться и посередине Тверской, и у Никольских ворот, внизу. Не ожидая появления Дубасова со стороны Чернышёвского переулка и уверенный, что Троицкие и Боровицкие ворота замкнуты, он сосредоточил всё своё внимание на Тверской. Тем не менее он заметил Дубасова и мимо дворцовых часовых бросился к коляске. Его бомба взорвалась. Взрывом были убиты сам Вноровский и граф Коновницын. Дубасов был ранен. Азеф в момент покушения находился в кофейне Филиппова недалеко от генерал-губернаторского дома…»

…Обвинительный акт по делу покушения на адмирала Дубасова так рассказывает о покушении 23 апреля: «23 апреля 1906 года в городе Москве было совершено покушение на жизнь московского генерал-губернатора, генерал-адъютанта, вице-адмирала Дубасова. В первом часу дня, когда он вместе с сопровождавшим его корнетом Приморского драгунского полка графом Коновницыным подъезжал в коляске к генерал-губернаторскому дому на Тверской площади, какой-то человек в форме флотского офицера, пересекавший площадь по панели против дома, бросил в экипаж на расстоянии нескольких шагов конфетную, судя по внешнему виду, фунтовую коробку, обёрнутую в бумагу и перевязанную ленточкой. Упав под коляску, коробка произвела оглушительный взрыв, поднявший густое облако дыму и вызвавший настолько сильное сотрясение воздуха, что в соседних домах полопались стёкла и осколками своими покрыли землю. Вице-адмирал Дубасов, упавший из разбитой силой взрыва коляски на мостовую, получил неопасные для жизни повреждения, граф Коновницын был убит. Кучер Птицын, сброшенный с козел, пострадал сравнительно легко, а также были легко ранены осколками жести несколько человек, находившихся близ генерал-губернаторского дома. Злоумышленник, бросивший разрывной снаряд, был найден лежащим на мостовой, около панели, с раздробленным черепом, без признаков жизни. Впоследствии выяснилось, что это был дворянин Борис Вноровский-Мищенко, 24 лет, вышедший в 1905 г. из числа студентов императорского московского университета».

Газета «Путь» от 25 апреля 1906 года сообщила следующие

подробности неудавшегося покушения:

«Адмирал Ф. В. Дубасов, отстояв обедню в Успенском соборе, раньше, чем ехать в генерал-губернаторский дом, заехал навестить в Кремлёвском дворце заведующего дворцовой частью графа Олсуфьева, чтобы дать разойтись собравшимся в Кремле богомольцам. Выйдя от графа Олсуфьева, адмирал сел с графом Коновницыным в коляску и поехал в генерал-губернаторский дом по заранее намеченному маршруту, через Чернышёвский переулок, чтобы въехать во двор через ворота.

Граф Коновницын, обыкновенно составлявший расписание маршрута при поездках генерал-губернатора по городу и на этот раз сообщивший, по обыкновению, предполагаемый маршрут градоначальнику, когда коляска миновала ворота генерал-губернаторского дома, не дал приказания ехать во двор. Коляска, вопреки маршруту, поехала дальше по Тверской, миновав установленное у ворот наблюдение.

Когда лошади поворачивали из Чернышёвского переулка на Тверскую, от дома Варгина сошёл на мостовую молодой человек в форме морского офицера. В одной руке у него была коробка, перевязанная ленточкой, как перевязывают конфеты; в ленточку был воткнут цветок, – не то левкой, не то ландыш. Приблизившись к коляске, он взял коробку в обе руки и подбросил её под коляску. Она была в это время против третьего окна генерал-губернаторского дома. Лошади понесли, адмирал, поднявшись с земли, пошёл к генерал-губернаторскому дому; тут его подхватили городовые и ещё некоторые лица, личность которых нельзя было установить, и помогли ему дойти до подъезда. Графа Коновницына выбросило на левую сторону; у него было повреждено лицо, раздроблена челюсть, вырван левый бок, раздроблены обе ноги и повреждены обе руки. Он тут же скончался. Адмирал, войдя в вестибюль, почувствовал такую адскую боль, что просил отнести его наверх, так как он дальше идти не мог. Пользующий адмирала врач Богоявленский нашёл, что у него порваны связки левой ноги. Боли не давали адмиралу уснуть всё время. На ноге оказалась целая сеть мелких поранений, из которых сочится кровь; полагают, что эти поранения причинены мелкими осколками

разорвавшейся бомбы; на сапоге адмирала дырочки, точно от пореза ножом; над глазом у него кровоподтёк, на руках ссадины, вероятно, вследствие того, что, когда он упал, коляска протащила его. Когда адмирала внесли наверх, лицо у него было чёрно-жёлтое; от удушливых газов разорвавшегося снаряда он не мог дышать. Человек, покушавшийся на жизнь адмирала, пал тут же жертвой своей бомбы… У него снесло верхнюю часть черепа; при нём найдены два паспорта, оба фальшивые. Один на имя Метца. На вид он молодой человек, лет 27. Мундир на нём совершенно разорван, а под мундиром оказалась фуфайка, которую обыкновенно носят люди достаточного класса. На убийце были чёрные носки и ботинки со шнурками; на погонах мундира был штемпель магазина гвардейского экономического общества; ногти у него тщательно обточены. Всё это показывает, что он человек из интеллигентного класса. Коляска с бешено мчавшимися лошадьми была задержана в Кисельном переулке. Лошади ушибли стоявшего на углу генерал-губернаторского дома городового.

От взрыва пострадал кучер Птицын, получивший лёгкие поранения, и дворник генерал-губернаторского дома, получивший ушибы. Часовой, стоявший на углу генерал-губернаторского дома за рогаткой, оглушён вследствие повреждения барабанной перепонки, и один из прохожих получил ожог под глазом и ожог уха.

В окнах генерал-губернаторского дома выбиты стёкла в IV этаже; в нижнем этаже пострадали больше наружные стёкла, а в верхнем – внутренние. В коляске найдено золотое оружие Дубасова».

По печальным для них итогам покушения на адмирала Дубасова эсеры выпустили следующее воззвание: «Партия социалистов-революционеров. В борьбе обретёшь ты право своё! 23 апреля, в 12 час 20 мин дня, по приговору боевой организации партии социалистов-революционеров, была брошена бомба в экипаж московского генерал-губернатора вице-адмирала Дубасова при проезде его на углу Тверской улицы и Чернышёвского переулка, у самого генерал-губернаторского дома. Приговор боевой организации явился выражением общественного суда над организатором кровавых дней в Москве. Покушение, твёрдо направленное и выполненное смелой рукой, не привело к желаемым результатам вследствие роковой

случайности, не раз спасавшей врагов народа. Дубасов ещё жив, но о неудаче покушения говорить не приходится. Оно удалось уже потому, что выполнено в центре Москвы и в таком месте, где охрана всех видов, казалось, не допускала об этом и мысли. Оно удалось потому, что при одной вести о нём вырвался вздох облегчения и радости из тысячи грудей, и молва упорно считает генерал-губернатора убитым. Пусть это ликование будет утешением погибшему товарищу, сделавшему всё, что было в его силах. Боевая Организация Партии Соц. Рев.».

26 апреля новый выпуск сатирического журнала «Спрут» опубликовал провокационную загадку, с явным намёком на только что произошедшее покушение на Дубасова «Вопрос: Какая разница между европейскими министрами и нашими? Ответ: Те падают, а наши взлетают».

Москва (по телефону). «Вчера выехал из Москвы в Петербург московский генерал-губернатор адм. Дубасов, здоровье которого несколько улучшилось. Адмирал всё ещё ходит, опираясь на палку, мелкие раны не все зажили. Дубасов жалуется на головные боли, сильное переутомление. Но в последние дни адмирал уже принимал лиц по служебным делам и вчера имел длительный разговор с главными деятелями московского отдела Красного Креста. Передают, что адм. Дубасов в беседе с одним из приближённых к себе лицом заявил, что он и не думал подавать прошения об отставке, что он чувствует себя достаточно сильным для того, чтобы служить царю и родине».

27 апреля открылось заседание Думы, и Центральный комитет партии эсеров, хотя он и бойкотировал выборы, подтвердил намерение прекратить террористическую деятельность. Косвенно руководство партии, таким образом, спасло жизнь министра внутренних дел, покушение на которого Боевая организация не сумела произвести в отведённое на это время. Она также не смогла осуществить покушение на жизнь министра юстиции Акимова. Провал покушения на Дубасова полностью дезорганизовал эсеровских боевиков. Эти неудачи, а также безуспешные попытки убить ещё двух военных деятелей, которые играли главные роли в подавлении декабрьского восстания в Москве, – генерал-майора Георгия Мина, командира Семёновского полка, и полковника Римана ещё более ухудшили моральное состояние боевиков. Ранение Дубасова было единственным исключением, и многие эсеры начали сомневаться в правильности проведения центрального террора, указывая на то, что целый ряд неудачных попыток, и особенно провал нападения на Дубасова не может быть случайностью. Исследователь истории политического террора в России в 1905

году Анна Гейфман считает, что покушение на Дубасова стало самым громким провалом Боевой организации партии эсеров.

Разумеется, это совсем не означало, что эсеры были готовы отказаться от тактики политических убийств, поскольку Боевая организация не была единственным террористическим отрядом в распоряжении партии эсеров. Эстафету террора приняли от Боевой организации различные провинциальные группы террористов. Однако такой мощной и профессиональной структуры, как Боевая организация, в рядах партии эсеров уже больше никогда не было. Таким образом, сам того не зная, Дубасов ещё раз оказал немалую заслугу Отечеству, поставив на карту свою собственную жизнь.

По невероятному совпадению дебютом террористической деятельности Боевой организации партии эсеров стало покушение и убийство брата жены Дубасова и близкого его друга министра иностранных дел Сипягина. Неудачное же покушение на самого адмирала стало последним делом этой кровавой организации. При этом совпала даже столь важная деталь – покушение в обоих случаях осуществлял переодетый офицером террорист… Может быть, во всём этом была какая-то неведомая нам логика?

Либеральная пресса издевалась над Дубасовым в полную силу. Журналы печатали, к примеру, такие стихи:

ТЕЛЕГРАММЫ

ОТ ДУБАСОВА ДУРНОВО
Нету войска. Нет патронов, нету жизненных припасов.
Море крови, море стонов. Я тону в Москве… Дубасов
ОТ ДУРНОВО ДУБАСОВУ
Море крови?… Я не стану говорить вам ничего,
Ведь плыву ж по океану. Не тону я… Дурново
ОТ ДУБАСОВА ДУРНОВО
Жду ответа телеграфом. Посоветуйтесь хоть с графом.
Повторяю – нет запасов. Выручайте… Ваш Дубасов
ОТ ДУРНОВО ГРАФУ ВИТТЕ
Адмирал Дубасов пишет, что в Москве он еле дышит,
Что сидит безо всего… Чем помочь бы? Дурново
ОТ ВИТТЕ ДУРНОВО
Я не верю; быть обману: шутит, верно, телеграф…
Чрезвычайную охрану мог ввести он… Виттеграф
ОТ ДУРНОВО ДУБАСОВУ
Граф ответил очень грозно: есть «охрана» для того;
Коль в Москве ещё не поздно, объявляйте… Дурново

ДУБАСОВУ ОТ ДУРНОВО
Граф ответил: слишком поздно, и охрана ничего,
Развилось движенье грозно. Убегайте! Дурново

В сатирической журналистике выработался своеобразный язык, которым обозначалось то или иное лицо: так, усы кольцами обозначали Столыпина; усы кверху – председателя 2-й Государственной думы Головина; плоский лоб и огромные бакенбарды принадлежали Горемыкину; некий дегенеративного вида субъект, сгибающийся под тяжестью орденов, – не кто иной, как адмирал Дубасов…

Тогдашние «демократы» ненавидели адмирала со всей неистовостью, на которую только были способны. Когда на проходившем съезде кадетской партии была получена телеграмма о покушении на адмирала Дубасова, то делегаты разразились бурными аплодисментами.

Из воспоминаний графа Витте: «Несомненно, что единственный начальник, который не потерял головы и духа в Москве, был адмирал Дубасов; его мужество и честность спасли положение. Но он был не только мужественно и политически честен, но был и остался истинно благородным человеком. Как только было погашено восстание, что продолжалось несколько дней, он сейчас же написал государю, прося поставить на всём крест и судить виновных обыкновенным порядком и обыкновенным судом. Одновременно петербургские войска были возвращены обратно. Государь спросил мнение министра внутренних дел Дурново относительно желания Дубасова. Дурново высказался, что нужно судить военным судом. Государь тогда просил меня высказаться, я присоединился, конечно, к мнению Дубасова и до тех пор, пока я и затем Дубасов не ушли, виновные были привлечены к ответственности и судились на основании общих законов».

Едва в Москве спала волна беспорядков, Дубасов подал прошение на высочайшее имя о невозможности дальнейшего исполнения им генерал-губернаторской должности. Получив отставку, адмирал навсегда покидает Москву, с которой связывали его теперь самые тяжёлые воспоминания. Дубасова тянуло на Балтику, к морю! Перебравшись в столицу, Дубасовы сняли квартиру на Сергеевской улице. Тогда же Дубасова производят в полные адмиралы и назначают членом Государственного совета.

Для лечения Дубасов ненадолго уехал за границу, но по возвращении в столицу на него было произведено второе

покушение. На этот раз руководители партии эсеров, казалось, предусмотрели всё. В убийстве должны были участвовать лучшие из лучших. Адмирала не только должны были расстрелять в упор из двух револьверов, но и одновременно взорвать бомбами. Выжить после такой атаки адмирал просто не мог.

В первую годовщину подавления Декабрьского вооружённого восстания в Москве эсеры выследили прогуливавшегося в Таврическом саду Дубасова. Два эсера, Воробьёв и Трещенецкий (Березин), стреляли в адмирала тринадцать (!) раз. Помимо этого они бросили под ноги Дубасову бомбу, начинённую мелкими гвоздями. Но вопреки всему Дубасов снова был лишь слегка ранен, а террористы арестованы. При этом Дубасов нагнал одного из своих убийц, сбил с ног, связал, а затем передал приехавшим жандармам. О спасении Дубасова говорили в те дни, как о настоящем чуде.

По действовавшим законам их ждало повешение. Неизвестно почему Дубасов просил царя помиловать его несостоявшихся убийц.

Из воспоминаний графа Витте:

> «Я узнал об этом покушении почти сейчас же и приехал вскоре к Дубасову. Он был совершенно покоен, и только беспокоился, что этого юношу, который в него стрелял, будут судить военным судом и, наверное, расстреляют. Он мне говорил: „Я не могу успокоиться, так передо мною и стоят эти детские бессознательные глаза, испуганные тем, что в меня он выстрелил; безбожно убивать таких невменяемых юношей“. Он прибавил: „Я написал государю, прося его пощадить этого юношу и судить его общим порядком“. На другой день я опять был у Дубасова, и Дубасов прочёл мне ответ государя.
>
> Император Николай, поздравив Дубасова со счастливым избавлением, написал следующее: „Мне понятно нравственное побуждение, руководившее вами, – это был порыв благородной души. Но я не могу разделить вашей точки зрения по данному случаю.
>
> Вы – мой генерал-адъютант и бывший московский генерал-губернатор. Ваше имя давно известно во всей России; оно связано теперь с ореолом быстрого подавления мятежа в Москве. Именно поэтому вы сделались жертвою и второго покушения.
>
> Полевой суд действует помимо вас и помимо меня, пусть он дейспособа борьбы нет и быть не может.

Вы меня знаете: я незлобив; пишу вам совершенно убеждённый в правоте моего мнения. Это больно и тяжко, но верно, что, к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих преступников предотвратит моря крови – и уже предотвратила! Желаю вам здоровья и полного душевного спокойствия. Благодарю вас за всё, вами для России и меня сделанное. Николай“».

В это время в России произошло событие, которое до сих пор по достоинству не оценено нашими историками. И это при том, что последствия его могли бы быть самыми катастрофическими для отечественного флота. Суть происшедшего заключалась в том, что адмирал свиты граф Гейден (по отзыву Витте, «порядочный человек, но пороха не выдумавший») решил «реформировать» российский флот, разделив Морское министерство на две самостоятельные части: на морское министерство и генеральный штаб морского ведомства. Независимо от сего учреждались и три командующих флотами – Дальневосточным, Балтийским и Черноморским, которые были подчинены только императору через его военно-походную канцелярию, начальником которой и был Гейден. Таким образом, вместо одного хозяина в морском ведомстве появлялось сразу пять! Это был полный абсурд, но потрясённый Цусимой и «Потёмкиным» Николай II был готов на такой безумный шаг.

Из воспоминаний графа Витте:

«Поехавши на следующий день… я… застал генерал-адъютанта Дубасова, генерал-адъютанта Алексеева (пресловутого главнокомандующего) и не помню ещё кого-то. Оказалось, что все приглашены для обсуждения того же проекта морского министерства. Приехавши в Царское, они были приняты в приёмной государя, где был приготовлен стол для заседания. Государь, как мне рассказывали Бирилёв (тогдашний морской министр. – В. Ш.) и Дубасов, начал с того, что предупредил приглашённых о том, что разосланный проект есть плод его долгих размышлений, что он составлен по его указаниям, и что присутствующие должны это иметь в виду. Затем он пригласил Гейдена прочесть проект указа, при котором он намеревался объявить этот проект как окончательный закон, и доложить основания проекта. Гейден прочёл указ и доложил, что закон намеревается дать ту же организацию, которая существует в Германии и которая существует в военном ведомстве после разделений функции военного

министерства и генерального штаба. Затем его величество просил присутствующих высказаться откровенно. Бирилёв высказался против проекта. На указания Бирилёва, что его величество будет не в состоянии в своём лице объединить раздроблённые самостоятельные единицы морского ведомства, проектируемые проектом, государь заметил, что, однако, в Германии Вильгельм это делает. На это высочайшее указание Бирилёв счёл возможным ответить, что он не знает точно порядков в Германии, но думает, что при парламентском правлении в Германии, там императору гораздо менее забот и дела, нежели императору Российскому…

Дубасов высказался совершенно против рассматриваемого проекта со свойственной этому честному деятелю прямотой и определённостью, причём, как бывший морской агент в Берлине, разъяснил, что рассматриваемый проект, в сущности, не имеет ничего общего с тою организацией, которая существует в Германии. Генерал-адъютант Алексеев, конечно, высказался уклончиво. Защищал проект только Гейден. Государь проект в заседании не подписал, как имел намерение в начале заседания, а, закрыв заседание, сказал, что он примет соответствующее решение и благодарил присутствующих».

За проявленное упрямство спустя несколько дней Бирилёв был уволен в отставку, но главное они с Дубасовым всё же сделали – чудовищный проект Гейдена так и не прошёл. Российский флот мог вздохнуть спокойно, избежав ещё одной идиотской реформы.

Бурные события последних лет не могли не отразиться на состоянии Дубасова. Адмирал просит дать ему наконец-то какое-нибудь стоящее и близкое по душе дело.

– Вам лучше бы отдохнуть в Баден-Бадене или в Ницце, да попить лекарств! – настойчиво советовали врачи.

– Для меня лучший Баден-Баден корабельная палуба, а лучшее лекарство – море! – качал головой Дубасов.

– Если вы уж так хотите, дорогой Фёдор Васильевич, то не проветрится ли вам в Ледовитом океане? – предложил Дубасову морской министр Диков.

– Помилуй Бог, – это лучший из курортов! – обрадовался тот. – Я готов хоть на Северный полюс!

17 июля из Кронштадта на крейсере «Алмаз» отправилась

экспедиция под командованием адмирала Ф. В. Дубасова. Курс «Алмаза» был проложен в северные воды.

«Цель плавания, – писала газета „Голос Москвы“, – ознакомиться с гаванями Мурманского берега и избрать место для сооружения незамерзающего военного порта. Это чуть ли не первый серьёзный и чреватый последствиями шаг к искуплению неизгладимого Цусимского погрома. Шаг, о котором уже давно следовало подумать морским властям. Мурман, со своими природными незамерзающими портами, со свободным океаном, лежащий так близко к Петербургу, должен заменить для русских моряков балтийскую „лужу“ и служить им суровой и образцовой школой. Прошедшие такую же школу древние норманны были властителями морей… И древний завет норманнов не умер до наших дней по ту сторону Полярного круга. Русские поморы до сих пор остались прирождёнными моряками; на своих лёгких шняках они и теперь умеют ладить с грозными опасностями неукротимого холодного океана. Где же, как не у них, в их привычной обстановке, и учиться нашим морякам своему делу. Пусть идут они в эту почётную ссылку, подальше от петербургских салонов и французских ресторанов. Пусть бодро встретят двухмесячную ночь и снеговые полярные бури, пусть искупят позор Цусимы и Артура. Там, среди гранитных фиордов и исполинских валов океана, из дворянских белоручек выработаются те железные морские волки, какие нужны великому русскому народу. Тогда и с японцами у нас будет другой разговор… Да и жизнь на Мурманском берегу вовсе не так страшна, как это принято думать».

К последнему утверждению присоединяюсь полностью. Привет всем североморцам!

У нас не любят вспоминать, но Ваенгу (будущая главная база нашего Северного флота Североморск) определил для базирования военного флота не кто иной, как адмирал Дубасов. Предсказал он большое будущее и убогому рыбацкому посёлку на Мурмане, заявив, что рано или поздно, но именно здесь будет построен важнейший российский незамерзающий порт на Севере – будущий Мурманск. Надо отметить, что Дубасов обладал каким-то особым чутьём на новые порты и военно-морские базы. Все его прогнозы обязательно сбывались. Так случилось в своё время в отношении Либавы и Порт-Артура, которые принесли России больше неприятностей, чем пользы. Так случилось в будущем с Мурманском и Ваенгой-Североморском, которые и по сей день являются основой основ нашей морской мощи на Севере. О чём это говорит? Только об огромном государственном уме адмирала, способного мыслить стратегическими масштабами на много-

много лет вперёд. А такое, согласитесь, дано далеко не каждому!

Для тогдашней общественности экспедиция Дубасова прошла незамеченной. Откликнулась разве что левая пресса, да и то, разумеется, ругательно. Газета РСДРП «Мурман»: «Дубасов на Севере! Две недели назад заходил в Варде, а сейчас плавает по Мурману русское военное судно „Алмаз“. Само по себе это судно не достопримечательность, а на нём плавает славный адмирал Дубасов. Славу приобрёл он не в войне с японцами (таких у нас мало), а в войне с рабочими и крестьянами. В декабре 1905 года он разгромил пушечным огнём Москву и залил кровью её окрестности».

Итоговый доклад адмирала по Северной экспедиции был принят к сведению и положен «под сукно». Однако пройдёт всего каких-то семь лет – и его снова извлекут на свет. С началом Мировой войны наличие незамерзающего северного порта станет для России жизненной необходимостью. Тогда-то и начнётся интенсивное строительство города и порта Мурманск, мурманской железной дороги и Ваенги, как места базирования кораблей создаваемой флотилии Северного Ледовитого океана. Тогда-то пригодятся разработки и советы адмирала Дубасова.

В 1907 году Дубасов стал членом Совета государственной обороны. Одновременно он вошёл в состав Комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Спустя ещё год усердие адмирала в «искоренении внутренней смуты» было отмечено вторым по значению орденом империи – святого Александра Невского. Эту награду Дубасов тоже никогда не носил. Она найдёт своё прибежище в шкатулке рядом с японским орденом Восходящего Солнца. В этом адмирал был прав: нельзя носить рядом награды за победы и утешительные регалии за поражения…

Старые друзья не могли узнать своего бывшего сослуживца: Адмирал Ду стал угрюм и нелюдим. Дни напролёт просиживал в тёмной комнате, избегая встреч и приёмов.

О семейной жизни Дубасова сведений крайне мало. Если об Александре Дмитриевне мы ещё кое-что знаем, то о детях информация вообще минимальная. Есть сведения, что адмирал имел сына и двух дочерей. Самуил Маршак вспоминал: «Столичная гимназия (в которой он учился. – В. Ш.), просуществовавшая уже более полувека и сохранившая после недавней реформы полный курс древних языков, считалась гимназией аристократической. В Острогожске на весь наш класс был один только князёк, да и тот захудалого кавказского рода. А здесь в моё время учились и графы Шереметевы… и князь Вяземский, и сын адмирала Дубасова». Известно, что звали сына

Дубасова Олегом. Он родился в 1889 году, и к моменту революции 1917 года он был уже вполне самостоятельным человеком. О дальнейшей судьбе Олега Дубасова ничего не известно.

О дочерях адмирала Дарье и Ирине автору известно немногим больше. Есть информация, что старшая дочь Дарья Фёдоровна Дубасова была замужем за Никитой Алексеевичем Татищевым. О младшей дочери Ирине автору известно лишь из записок князя Кирилла Голицына: «Расскажу попутно небольшую, но трагическую историю, связанную с судьбой сына владельца этого магазина. Молодой человек ухаживал за нашей знакомой Ириной Фёдоровной Дубасовой, дочерью небезызвестного адмирала. Вопрос о браке у них был, повидимому, уже решён, но им хотелось начать совместную жизнь в иных условиях – за границей. Шёл 1919 год. Никаких ОВИРов тогда не было, и уехать можно было только нелегально. Как им удалось преодолеть все препятствия – не знаю. Но финал предприятия стал известен из письма, полученного вскоре в Петрограде. В нём сообщалось – в момент, когда граница и даже сам финский берег были позади, и беглецы находились в шлюпке, идущей из финского порта к стоявшему на рейде пароходу, с молодым Марсером случился припадок падучей – в эпилептических конвульсиях он упал в воду и утонул на глазах своей невесты».

След супруги Дубасова теряется в 20-х годах в Петрограде. Думаю, что пожилая женщина вряд ли интересовала ЧК. Мало ли знаменитых в прошлом старух бродило тогда по улицам бывшей столицы! Напомнить о себе новым властям она вряд ли решилась, ведь она была вдовой знаменитого адмирала-палача! Маловероятно, что последние годы Александры Дмитриевны были счастливыми и спокойными. Скорее всего, уделом последних лет жизни бывшей адмиральши были тиф, голод и нищета послереволюционной России.

В последние годы своей жизни адмирал Дубасов был определён в особое совещание из Георгиевских кавалеров, но практически там не появлялся. Вскоре после окончания Русско-японской войны родственники и друзья погибших моряков начали собираться на молитву о них в скромной временной церкви в Петербурге на Васильевском острове во флотской казарме, и здесь у них возникла мысль о сооружении постоянного храма-памятника. Эта группа лиц, в которую вошли адмирал Дубасов с супругой, вице-адмирал Нидермиллер, вице-адмирал Яковлев, контр-адмирал граф Гейден с супругой – фрейлиной императрицы Марии Феодоровны, сенатор Огарёв и вдова капитана 1-го ранга Шеина, командира крейсера «Светлана»,

погибшего при Цусиме, возбудила осенью 1908 года ходатайство в Министерстве внутренних дел о разрешении образовать Комитет для сбора пожертвований на постройку храма.

Первое заседание Комитета состоялось в декабре того же 1908 года. Был отслужен молебен и оглашено Повеление государя императора о создании Комитета и Высочайший Рескрипт членам Комитета, в котором Николай II повелел «не предавать забвенью имена на море погибших, считая, что увековечение таковых есть дело совести народа и чтобы Святая церковь поминала и осеняла своей молитвой место вечного упокоения героев, тела коих нельзя было отнять у моря и похоронить в родной земле».

Комитет немедленно приступил к работе. Первые пожертвования были получены от императора и его семьи, а также сразу же стали поступать пожертвования из разных мест и от разных лиц. Министр финансов Коковцов отдал соответствующее распоряжение по всем казначействам империи.

Пожертвования на сооружение храма стекались со всей России, с судов флота, находившихся в плавании, и из-за границы.

Сооружение храма, впоследствии известного как храм «Спаса на водах», было последним делом жизни уже тяжело больного Дубасова. Помогая слабеющему с каждым днём мужу, работала в комитете и Александра Дмитриевна.

Дождаться открытия храма «Спаса на водах» адмиралу Дубасову было, увы, не суждено… Адмирал всё чаще и чаще болел, сказывались ранения.

Каким он был в жизни, грозный и неумолимый адмирал Дубасов? Как много могут рассказать о человеке его личные письма, особенно письма, написанные любимому человеку – жене.

Из письма Дубасова во время плавания на фрегате «Владимир Мономах» в 1889 году в Атлантике:

> «…Мичман, который пришёл за мной с вахты, с волнением заявил, что на траверзе и очень близко, неожиданно открылся маяк, который довольно странно меняет цвет из красного в белый. Выскочивши на мостик, я действительно увидел очень яркий огонь маяка, как бы вырисовывающийся из береговой скалы и так близко, что сейчас же послал за старшим штурманом, чтобы решить общими силами, где мы. В это время луна ещё была в полном блеске, почти в самом зените, но на Востоке занималась тёмно-розовая полоса зари, как раз там, где показался маяк, и в этом, несколько фальшивом освещении, представление о расстоянии совершенно

искажалось. Пока ходили за штурманом, наш маяк стал так быстро подниматься над горизонтом и свет его стал так прихотливо изменяться, что разгадка явилась раньше штурманского офицера:

– Венера!

Это была Венера, сама богиня любви, которую мы видим теперь так редко и которую твои друзья эллины, в своё время, так умели и боготворить, и любить, и мешать во все дела. Да, это была забытая, чудная богиня любви, которая, со свойственным ей легкомыслием и весёлостью, немножко растрёпанная, поднялась со своего ложа и собралась на поиски счастья, веселья и любви. В это время старик Юпитер, как раз с противоположной стороны горизонта, тихо склонялся вниз, усталый, с несколько помутившимися глазами, немножко вздрогнул у самого горизонта, и потух. Она, Венера, как бы ждала этой минуты. Быстро поднявшись из проутрени, она вспыхнула своим смеющимся, полумерцающим, полуспокойным розовым светом и во всём величии красоты и очарования стала ровно подниматься вверх, оглядывая влюблённым взглядом всё то, что безраздельно расстилалось у её ног. Ты не можешь представить себе, до чего всё это было очаровательно красиво и полно самой высокой, самой чистой поэзии. Как я понимал в эту минуту эту чудную смеющуюся и высокую по своему истинному реализму греческую мифологию».

Согласитесь, если не знать имя автора, можно подумать, что это писал поэт, причём поэт очень талантливый. Нет, он не был надменным и безжалостным адмиралом-карателем, каким его представляли нам многие десятилетия.

В портах, куда заходили его корабли, Дубасов всегда посещал не рестораны и кафешантаны, а музеи, картинные галереи и памятные места. Будучи у Дарданелл, Дубасов изыскивает время, чтобы посетить недавно открытую Шлиманом Трою, пройтись по великим развалинам, опустить ладони в знаменитый троянский источник.

О чём мечтал адмирал Дубасов? Как воин, гражданин и отец он мечтал совершить подвиг во имя Родины, воспитать достойного сына, мечтал о спокойной старости и о внуках: «… Долой крейсеры! Долой убогие фантазии! И вот уже мне грезится, как я веду… флотилию против соединённого флота Англии, Австрии и Италии и беспощадно истребляю этот флот в

безнадёжной отчаянной миноносной атаке. В этой атаке мой младший – флаг-офицер, молодой мичман Олег Дубасов получает Георгиевский крест и лейтенантский чин; а я после этой войны уступаю ему своё место и выхожу в отставку, чтобы тихо доживать свою старость в тёплом кабинете „знаменского“ дома (имение А. С. Дубасовой в Тверской губернии. – В. Ш.), где мы с тобою вместе будем нянчиться с внучатами…»

Умер Фёдор Васильевич Дубасов 19 июня 1912 года. Николай II и члены царской фамилии лично выразили вдове почившего соболезнование. А днём раньше в лейб-гвардейском Семёновском полку, где особенно уважали бывшего московского генерал-губернатора, отслужили панихиду по жертвам страшных декабрьских событий 1905 года.

Известного адмирала хоронили 21 июня, в день его рождения, в Александро-Невской лавре в некрополе мастеров искусств. Положили Дубасова в землю рядом с его деверем – министром Сипягиным, подле могилы известного российского адмирала Рикорда.

После 1917 года имя Дубасова было предано анафеме. Если его и вспоминали, то только для того, чтобы заклеймить как «кровавого палача Красной Пресни». Если и печатали изображение адмирала, то исключительно злобные карикатуры. Имя Дубасова стало синонимом неимоверной жестокости и слепой преданности «проклятому самодержавию». Навсегда были забыты все совершённые им подвиги. Сегодня мы уже по-иному относимся к событиям 1905 года, когда волей Дубасова и ему подобных удалось удержать Россию на краю пропасти. Совсем по-иному стали выглядеть и действия адмирала по наведению порядка в бандитской и анархиствующей Москве.

В жизни старого адмирала было немало взлётов и падений. Относиться к нему мы тоже можем по-разному. Неопровержимо одно – Дубасов истою любил своё Отечество и делал всё от него зависящее для блага России.

…После революции не раз глумились и над могилой Дубасова, но она всё же каким-то чудом сохранилась до наших дней. В этом, видимо, есть какая-то высшая справедливость…